Эрдэ

БОЛЬШЕВИКИ
в годы
Империалист.
ВОЙНЫ

БИБЛИОТЕЧКА
ПО ИСТОРИИ
ВКП(б)

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
В. ЮДОВСКОГО

Д. ЭРДЭ

БОЛЬШЕВИКИ В ГОДЫ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

„ПРОЛЕТАРИЙ“

БИБЛИОТЕЧКА ПО ИСТОРИИ ВКП(б)
ПОД РЕДАКЦИЕЙ В. ЮДОВСКОГО

Д. ЭРДЭ

БОЛЬШЕВИКИ В ГОДЫ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРОЛЕТАРИЙ“
1930

Библиографическое описание этого издания помещено в „Літописі Українського Друку“, „Карточном Репертуаре“ и др. указателях Украинской Книжной Палаты

Напечатано в первой типографии
Издательства „Пролетарий“
Харьков, Пушкинская, 40
Тираж 15.000—$3^{1}/_{2}$ печ. л.
Укрлит № 5329
Заказ № 186

I. Корни мировой войны.

Кто начал войну?

Многочисленные „цветные“ книги дипломатов всех стран, принимавших участие в империалистической войне 1914—18 г.г., имеют своей целью свалить всю ответственность за войну на противников и обелить „собственные правительства“.

„Войну начали „боши“ (немцы), — гласят французские и английские источники.

„Казаки“ (русские) первые мобилизовались и напали на нас“, — возражают деятели кайзерской Германии.

Несмотря на то, что „герои“ Версальского мира пытались положить конец этому спору, открыто признав зачинщиками мирового пожара Вильгельма и всех немцев вообще, „ученые“ изыскания по вопросу о виновниках войны продолжаются и по сей день.

Одним из самых ярых сторонников того взгляда, что „это ни в коем случае не марксизм, когда указанием на безличную вину капитализма хотят отвлечь внимание от розыска виновных лиц“, является не кто иной, как Карл Каутский, выпустивший специальную работу о том, как возникла мировая война.

Мы теперь знаем, что к войне готовились одинаково усердно обе стороны. Еще до 1 августа 1914 года воз-

дух был насыщен электричеством и разрядка должна была неизбежно последовать, независимо от „доброй“ или „злой“ воли отдельных лиц.

„Теперь или никогда“.

„Теперь или никогда!“ — отмечает Вильгельм на полях официального доклада об убийстве сербами австрийского эрцгерцога Франца-Фердинанда (это убийство явилось, как известно, непосредственным поводом для войны между Австро-Венгрией и Сербией, а затем — и мировой войны).

„С сербами надо покончить, и именно сейчас“, — продолжает кайзер свои комментарии к докладу.

Почти за месяц до войны, 5 июля, граф Сэгэни, австрийский посол в Берлине, сообщал о своей беседе с Вильгельмом: „По мнению императора, не следует слишком долго медлить с выступлением против Сербии. Россия, без сомнения, займет в этом споре враждебную позицию. Но Вильгельм имеет это в виду уже в течение многих лет, и если бы дело даже дошло до войны между Австро-Венгрией и Россией, то мы можем быть уверены, что Германия по привычной союзнической верности будет стоять на нашей стороне“. Это сообщение кончается еще более цинично-откровенным заявлением: „Если бы мы, действительно, признали необходимым выступление против Сербии, то он (император Вильгельм) будет сожалеть, если мы не используем настоящего, столь благоприятного для нас, момента“.

Вильгельм был настроен крайне воинственно и охотно бряцал оружием, особенно в первые дни австро-серб-

ского конфликта, когда поведение Англии давало повод надеяться на то, что в предстоящей войне Англия воздержится от активного вмешательства: война с русскими и французами при нейтралитете Англии была кайзеру не страшна.

„Только сильней наступать на мозоли этой сволочи!“— отзывается Вильгельм о своих противниках, под которыми сначала разумеет „все славянские государства“, а затем и остальных „союзников“. „Вильгельм ужасно торопился объявить войну“ — к этому заключению приходит Каутский на основе анализа документов предвоенного периода. Отсюда Каутский приходит к выводу, что персональным виновником войны следует считать именно Вильгельма *).

„Ритуальная легенда“.

Какова была роль Антанты—Англии, Франции и России — в подготовке войны? Об этом можно сказать совершенно определенно: к борьбе с Тройственным союзом (Германией и ее союзниками) Антанта готовилась с

*) На этой же позиции стоит и русский историк академик Тарле. В своей книге „Европа в эпоху империализма“, вышедшей в 1927 году, Тарле пишет: „Вся обстановка сложилась так, что соблазн поскорее начать должен был неминуемо охватить в 1913 году (в конце его) или в 1914 г. именно Германию и Австрию, а не Антанту. Так сложилась дипломатическая обстановка“.

Тарле, как и Каутский, договаривается до оправдания политики Англии и России. „Антанта поспешила занять позицию защищающегося“—говорит Тарле. Это же говорит другими словами и Каутский, утверждая, что главнейшие участники Антанты „не знали вплоть до мировой войны никакого милитаризма“.

Вот в какой тупик привело обоих авторов стремление разыскать во что бы то ни стало „виновных лиц“!

давних пор и заранее стремилась к объединению своих военных планов. „Ритуальная легенда“ (по выражению М. Н. Покровского) о нападении „коварных тевтонцев“ на „бедных союзников“ решительно опровергается многочисленными материалами, которые доказывают энергичную подготовку союзников к нападению на Германию. В конце 1913 года военный министр и начальник генштаба России категорически заверяли „о полной готовности России к единоборству с Германией, не говоря уже о столкновении один на один с Австрией“.

Письма Извольского к Сазонову, русскому министру иностранных дел, опубликованные после Октябрьской революции, вскрыли закулисную сторону подготовки войны: Россия была, без сомнения, в подчинении у Антанты. В то же время русский торговый капитал был непосредственно заинтересован в войне, чтобы раз навсегда решить вопрос о продвижении хлеба за границу. Что касается промышленного капитала и растущего русского империализма, то они сталкивались с германским капиталом не только внутри России, но и особенно в Турции и вообще на Ближнем Востоке. Русские империалисты хотели поэтому иметь Константинополь, „ключ империи“, у себя в руках. Русско-германские и русско-турецкие противоречия в значительной мере сливались друг с другом (к этому вопросу мы еще вернемся).

Можно ли сказать, после всего, что мы знаем о замыслах империалистов **всех** стран, что войну разжег тот или другой капитализм, что войну **начали** немцы, русские или австрийцы?

Мы теперь отлично знаем, что сербо-болгарский договор 1912 года был заранее отточенным „орудием войны“ (по выражению Пуанкаре *).

Поэтому поддерживать „ритуальную легенду“ о чистоте намерений Антанты или, наоборот, считать Германию „обороняющейся“ стороной — нет никаких оснований.

„Виноват“ в войне не тот или другой империализм, а империализм вообще. Нет надобности, с этой точки зрения, в специальных исследованиях на тему о том, кто первый сказал „э“, кто первый н а ч а л войну.

„Вопрос о том, какая группа (воюющих держав) нанесла первый военный удар или первая объявила войну, не имеет никакого значения для определения тактики социалистов“ — подчеркивали большевики на Бернской конференции заграничных групп (в 1915 г.). „С точки зрения марксизма, т.-е. современного научного социализма, — писал Ленин, — основной вопрос при обсуждении социалистами того, как следует оценивать войну и как следует относиться к войне, основной вопрос состоит в том, из-за чего эта война ведется, какими классами она подготовлялась и направлялась“. Само собой разумеется, что большевики подходят к оценке войны 1914 — 1918 г.г. иначе, чем представители союзнической и германской ориентаций, иначе, чем социал-демократы.

---

*) По этому договору Сербия и Болгария стали орудием в руках союзников (в том числе и России), объектом для нападения была Турция (а поскольку за спиной Турции стояла Германия, — неизбежна была общеевропейская война).

Ленинская теория империализма.

Большевистская оценка характера мировой войны вытекает полностью из разработанной Лениным в годы войны теории империализма. Ленин определяет империализм, как „капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами".

„Империализм, — говорит Ленин в другом месте,— есть: 1) монополистический капитализм, 2) паразитический или загнивающий капитализм, 3) умирающий капитализм".

Ленинская теория резко отличается не только от всех буржуазных концепций (понятий) империализма, но и от всех полумарксистских или мнимомарксистских теорий. Ленинская теория противостоит не только расово-индивидуалистической теории Э. Сэйера или теории „естественного империализма" Рода *), но и определениям Гильфердинга, Каутского и даже ряда теоретиков коммунизма — Розы Люксембург и Н. Бухарина.

---

*) Сэйер, выпустивший в начале настоящего века четырехтомный труд об империализме, повторяет вслед за писателем XIX столетия Гобино, что империализм вытекает из стремления рас и отдельных личностей господствовать над другими: белая или арийская раса, как самая высшая, призвана — по мнению Сэйера — править „низшими" цветными расами.

Род недалеко ушел от Сэйера. „Империализм,— говорит он,— представляет собой не более, как стремление к расширению

Теория Гильфердинга.

Гильфердинг разумеет под империализмом не особую последнюю стадию капитализма (монополистического, загнивающего или паразитического и умирающего), а политику финансового капитала. „Политика финансового капитала, — пишет Гильфердинг, — преследует троякого рода цели... Во-первых, создание возможно большей, обширной хозяйственной территории, которая, во-вторых, должна быть ограждена от иностранной конкуренции таможенными стенами и, таким образом, должна превратиться, в-третьих, в область эксплоатации для национальных монополистических целей". Совокупность этих признаков и составляет — по Гильфердингу — сущность империализма.

Разница между ленинским и гильфердинговским определением империализма весьма существенна. Гильфердинг отмечает только политическую основу империализма (стремление финансового капитала к насилиям), но он нигде не указывает, что империализм является последней стадией капитализма. Он отрывает таким образом политическую основу империализма от экономической. В отличие от Гильфердинга Ленин напоми-

присущее всем существам, всем коллективным единицам, которые развиваются, растут, увеличивают занимаемое ими место на земном шаре, поглощают больше воздуха, больше света или больше пространства".

Этот автор находит империалистов не только среди людей, но и среди других живых существ, не исключая... муравьев и даже деревьев! Империализм — явление естественно-историческое, а не социальное, — утверждает Род. Империализм — общий закон природы!

нает, что „экономический империализм (или „эпоха“ финансового капитала — дело, конечно, не в словах) есть высшая ступень развития капитализма, именно такая, когда производство стало крупным и крупнейшим, что свободу конкуренции сменяет монополия. В этом экономическая сущность империализма. Монополия проявляется в трестах, синдикатах и пр., во всесилии гигантских банков, в скупке источников сырья и пр. и в концентрации банкового капитала и т. д.“. Ленинская теория пролетарской революции находится в тесной связи с ленинской теорией империализма. У Гильфердинга же эта связь разорвана: теоретик „финансового капитала“ охотно допускает реальную возможность единого мирового треста, единой системы организованного мирового капитализма.

Теория ультраимпериализма (теория Каутского).

Отсюда только шаг к теории мирного „ультра-империализма“, т.-е. такого империализма, который в состоянии устранить всякую конкуренцию между национальными капиталистическими группами и, следовательно, несет в себе тенденцию ликвидации острых конфликтов, распрей, захвата чужих земель и кровавых войн между народами *).

---

*) Ленин считал, что фаза „организованного капитализма“ только „теоретически мыслима“. „Абстрактно мыслить подобную фазу можно... Не подлежит сомнению, что развитие идет в направлении к единственному тресту, всемирному, поглощающему все без исключения предприятия и все без исключения государства. Но развитие идет к этому при таких обстоятельствах, таким темпом, при таких противоречиях, конфликтах и потрясениях, отнюдь

Теория ультра-империализма была выдвинута Каутским в годы войны в противовес ленинской теории. Уроки империалистической войны, писал Каутский, „могут ускорить такое развитие, которого долго пришлось бы ждать во время мира. Если дело дойдет до этого, до соглашения наций, до разоружения, до длительного мира, тогда худшие из причин, ведшие до войны все сильнее к моральному отмиранию капитализма, могут исчезнуть“, и тогда „на время ультракапитализм мог бы создать эру новых надежд и ожиданий в пределах капитализма“. Каутский выдвигает, при определении империализма, на первый план завоевательную политику промышленного (!) и финансового капитала. Он считает, что империализм заключается в политике, которую промышленный и финансовый капитал предпочитает (!) вести в целях подчинения себе аграрных областей.

Ленин дал резкую оценку этой насквозь оппортунистической теории Каутского. „Особенность империали-

---

не только экономических, но и политических, национальных и пр. и пр., что непременно раньше, чем дело дойдет до одного всемирного треста, до „ультра-империалистического“ объединения национальных финансовых капиталов, империализм неизбежно должен будет лопнуть,— капитализм превратится в свою противоположность“ (выделено нами—*Д. Э.*).

Каутскианская теория „организованного капитализма“ вошла в идейный инвентарь правых оппозиционеров, возглавляемых Бухариным. Есть несомненная связь между нынешними ошибками правых и ошибочной трактовкой империализма теоретиками правого уклона, в частности Н. И. Бухариным (об этом ниже).

зма,— подчеркивал Ленин,— господство как раз не промышленного, а финансового капитала, стремление к аннексиям как раз не только аграрных, а всяких стран. Каутский отрывает политику империализма от его экономики, чтобы расчистить дорогу для своего пошлого буржуазного реформизма, в роде „разоружения“, „ультра-империализма“ и тому подобного вздора. Смысл и цель этой теоретической фальши всецело сводится к тому, чтобы затушевать самые глубокие противоречия империализма и оправдать таким образом теорию „единства“ с апологетами империализма, откровенными социал-шовинистами и оппортунистами“.

Ошибки Розы Люксембург.

Решительную отповедь дал Ленин и теории Розы Люксембург, которая, вслед за многими другими теоретиками, определяла империализм, как „политическое выражение процесса накопления капитала в его конкурентной борьбе за остатки некапиталистической мировой среды, на которые еще никто не наложил своей руки“. Теория Люксембург сильно напоминает каутскианскую теорию „аграрных дополнений промышленных стран“, хотя сама Роза Люксембург меньше всего хотела солидаризоваться с Каутским и, в отличие от последнего, считала, что „мы вступили в период крушения капитализма“. Отрицание права наций на самоопределение, непонимание роли национальных войн, недооценка национально-освободительных движений Востока и ряд других политических и тактических ошибок Розы Люксембург имеют, несомненно, самую тесную связь с ошибочной теорией империализма.

Такого же рода связь можно провести между политическими ошибками Бухарина — Пятакова по ряду основных вопросов и той трактовкой империализма, которую они давали в годы войны.

Бухарин определял империализм, как такую политику, которая адэкватна (соответствует) финансово-капиталистическим производственным отношениям и является под углом зрения мирового хозяйства „расширенным воспроизводством капиталистической конкуренции". Почти такое же определение империализма дает и Пятаков: империализм, — говорит он, — представляет собой систему внешней политики, адэкватную финансовому капиталу. Как отнесся Ленин к теории Бухарина — Пятакова? Ленин признал их определение империализма немарксистским, ненаучным и почти каутскианским. „Экономически все это определение никуда не годится,— возражал Ленин,— вместо точных экономических категорий одни фразы... Это, во-первых, по существу неверное повторение неверной идеи Каутского, это, во-вторых, чисто политическое, только политическое определение империализма. Посредством определения империализма как системы политики П. Киевский (Пятаков) хочет увернуться от экономического анализа, который он обещал дать, заявив, что самоопределение „так же неосуществимо при империализме, как рабочие деньги при товарном производстве". „В экономической монополии все дело", подчеркивал Ленин. Ленин обращал особое внимание на монополию потому, что с нею связана особенность империализма как паразитического или

загнивающего капитализма. Неизбежность перехода от капитализма к социализму и победа последнего даже в отсталых странах становятся, благодаря этой особенности, очевидными. Из монополии же вытекает возможность подкупа буржуазией рабочей аристократии — этой питательной среды для оппортунизма. Отсюда Ленин приходит к выводу о невозможности в эпоху империализма единства с оппортунистами, к выводу о необходимости резко отмежеваться от соглашательских социал-демократических партий, связанных со всей системой монополистического капитализма *).

Монополия — первый закон капитализма в эпоху империализма.

Монополия — первый важнейший закон капитализма в период империализма.

Борьба за монополии, за источники сырья, за извлечение сверхприбыли путем вывоза капиталов в колониальные и полуколониальные страны происходит при империализме в условиях, когда „свободных" источников сырья и колоний уже нет, когда весь мир поделен между крупнейшими капиталистическими державами. Монополистический капитализм характеризуется переходом „от колониальной политики, беспрепятственно расширяемой на не захваченные ни одной капиталистической державой области, к колониальной политике монопольного обладания территорией земли, поделенной до конца". Именно эта политика, которая ставит

*) Отдельно надо остановиться на той характеристике империализма, которую дает Троцкий. Об этом мы пишем в главе о „центристских" группах российской социал-демократии.

своей целью передел земли, лежит в основе внешней политики современных капиталистических стран, именно эта политика обусловливает неизбежность войн между капиталистическими странами.

Закон неравномерности экономического и политического развития.

Второй важнейший закон капитализма — неравномерность экономического и политического развития — обусловливает особую остроту кровавых конфликтов и войн в эпоху империализма, так как на этой стадии капитализма чрезвычайно усиливается неравномерность темпа развития отдельных капиталистических стран. Наиболее быстро развивающиеся капиталистические страны опережают в своем росте другие капиталистические страны и настойчиво требуют нового передела. А новый передел без кровавых войн, конечно, невозможен. Отсюда — лихорадка вооружений и подготовка неизбежных войн современными капиталистическими левиафанами.

Ленин приводит такую иллюстрацию закона неравномерности развития капитализма: „В 1892 году Германия производила 4,2 млн. тонн чугуна против 6,8 в Англии; а в 1912 году уже 17,6 против 9,0, т.-е. — гигантский перевес над Англией". Ленин добавляет: „Спрашивается, на почве капитализма какое могло быть иное средство, кроме войны, для устранения несоответствия между развитием производительных сил и накоплением капитала — с одной стороны, разделом колоний и „сфер влияния" для финансового капитала—с другой?" Ленинская теория империализма дает ответ на этот вопрос.

Здесь, и только здесь — корни империалистических войн вообще и мировой войны 1914—1918 годов в частности.

Мировая война была подготовлена монополистическим капитализмом и вытекала из всего хода его развития. Мировая война, — подчеркивал Ленин, — „неизбежная ступень капитализма, столь же законная форма капиталистической жизни, как и мир“.

II. Две коалиции: Антанта и центральные державы.

Немного истории.

До войны положение в капиталистической Европе определялось как „положение „неустойчивого равновесия“. Две мощные группировки держав — Антанта и Тройственный союз — временно как бы уравновешивали друг друга, но в то же время накапливали силы для будущей войны. Эти объединения были созданы, конечно, исключительно для подготовки решительной схватки за господство над миром. Образование Тройственного союза относится еще к концу 70-х и началу 80-х годов, т.-е. к доимпериалистическому периоду развития капитализма. В союз сначала входили только Германия и Австрия, а затем к нему присоединилась и Италия. Россия ко времени образования Тройственного союза разошлась окончательно со своей бывшей союзницей — Германией — и впоследствии заключила союз с Францией, заостренный, естественно, против Германии. Этот союз предшествовал образованию — в

1907 году — Тройственного соглашения, или, иначе, Антанты, между Францией, Россией и Англией. Россия рассорилась с Германией сначала на почве соперничества русского и прусского помещика и борьбы на хлебном рынке. Русско-германские противоречия в дальнейшем еще более обострились. Попытки Германии снова втянуть в орбиту своего влияния Россию увенчались лишь кратковременным успехом (в русско-японской войне). Русские помещики и капиталисты, ослабленные после неудачной войны, не имели ни сил, ни желания рвать с англо-французским империализмом, с которым их объединяли общие интересы борьбы с Германией. Англия в это же время окончательно присоединяется к франко-русскому союзу. Нельзя сказать, что Англия охотно шла на этот шаг. Долгое время Англия поддерживала Германию против Франции, не желая допустить преобладания Франции на континенте, и против России, в лице которой Англия видела своего главного конкурента на Востоке. Но когда Германия стала усиливаться и выросла до таких размеров, что стала опасным соперником, Англии пришлось выйти из состояния „блестящего одиночества“, в котором она пребывала много лет, и заключить соглашение с Францией: интересы обеих стран совпадали на Ближнем Востоке, где Германия начала проводить Багдадскую железную дорогу не в северном, опасном для России, а в южном, опасном для Англии, направлении. Возможность войны между Англией и Германией за мировое господство вырисовывалась все более и более отчетливо, и надо было спешно готовить инструмент

войны. Попытка разделить власть над миром, выразившаяся в предложении, которое Англия сделала Германии — „я буду царствовать на море, а ты на суше“...— попытка, которая при всех условиях могла бы только оттянуть развязку кровавой войны, не привела ни к чему. Вильгельм стремился к „предупредительной“ войне и говорил: „Наше будущее лежит на море“.

Англо-германские противоречия.

Англо - германский конфликт был важнейшим из всех конфликтов, которые в конце концов привели к мировой войне. Вследствие бурного экономического развития империалистическая Германия так быстро двинулась вперед, что оставила позади себя Англию. Германский империализм „бил ее (Англию) беспощадно своей превосходной техникой, организацией, торговой энергией, бил и побил так, что без войны Англия не могла отстоять своего мирового господства“ (Ленин).

Германия поздно выдвинулась как первоклассная империалистическая держава. Все колонии уже были поделены между крупнейшими капиталистическими странами, а Германия не хотела ограничиваться „жалкими крохами“. Правда, эти „крохи“ были больше самой Германии в 5 раз, но площадь английских колоний была больше метрополии в 94 раза! Было чему позавидовать! „Мы не можем переносить больше положение,— писали немецкие империалисты,— при котором весь мир станет владением англичан и французов, русских и японцев. Мы не можем также верить,

что только мы одни должны довольствоваться той скромной долей, которую уделила нам судьба сорок лет тому назад. Времена изменились — и мы не остались теми же".

Франция и Германия.

Противоречия между Францией и Германией были также весьма остры. Французская буржуазия мечтала о реванше за разгром 1871 года, о возврате потерянных провинций — Эльзаса и Лотарингии. Франция и Германия неоднократно спорили и по вопросу о Марокко, полуколониальной африканской стране, стараясь наперебой друг перед другом завладеть этим лакомым куском.

Русско-германский конфликт. Финансовый капитал в России.

Россия, как уже указывалось нами, решительно стала на сторону Англии и Франции и против Германии при разрешении конфликтов, вызвавших мировую войну. Объяснить позиции России нетрудно, если разобраться хорошенько в тех социально-экономических сдвигах, которые произошли в России в годы, предшествовавшие войне. В 1906—1909 годах в России происходит процесс концентрации производства и капиталов, процесс, принявший широкий размах отчасти в связи с экономической депрессией. В дальнейшем (в 1909—1913 г.г.) мы видим бурный рост промышленности в России. Эти годы были периодом капиталистической реконструкции, произведенной в значительной мере за счет европейского финансового капитала, европейских банков. Русские банки, втянутые в мировую систему финансового капитала,

становятся филиалами (отделениями) англо-французских и в меньшей степени германских банков. Все банки, за исключением одного (Волжско-Камского), на территории России переходят фактически в руки иностранцев. Русский финансовый капитал становится „дочерним“ по отношению к заправилам Антанты. К 1914 году 48,7% акционерного основного капитала находились в руках иностранного финансового капитала. Контроль банкового капитала над русской промышленностью исчисляется к этому же моменту в сумме 8.235 млн. руб. Из этой суммы на долю французских банков и подчиненных им русских банков приходится 55%, на долю немецких 35% и английских — 10%. Из 585 млн. руб. капиталов русских коммерческих банков на 1 января 1914 года на долю иностранного финансового капитала приходится 434 млн. руб., т.-е. 74,2% всей суммы основных капиталов русских коммерческих банков. Иностранный капитал распоряжался накануне войны почти всей „русской“ банковой системой, при чем преобладающую роль играл французский банковый консорцум, захвативший в свои руки 53,2% всей доли иностранных капиталов; к этому надо добавить 10% английских капиталов. Эти цифры предопределяют в основном тип русского империализма, как „дочернего“ империализма, включенного в цепь англо-французского. Из этого не следует, конечно, что Россия нигде не сталкивалась с союзниками, что она была в полном подчинении у них и не имела самостоятельных интересов в войне с Германией. Верно лишь то, что русский империализм был настолько тесно связан с англо-

французским, что участие России в войне — именно на стороне Антанты — было совершенно неизбежным. Но при этом русский империализм преследовал, само собой разумеется, и собственные цели. В борьбе против Германии соединились интересы не только Англии и Франции, но и русских помещиков и промышленников. Русский и германский империализм сталкивались между собой в ряде пунктов: борьба шла за внутренний немецкий хлебный рынок (борьба вокруг договора 1894 г. и дополнительной конвенции 1904 года), за внутренний русский рынок, за внешние рынки.

Русский хлеб упорно вытеснялся с германского рынка немецкими аграриями, что настраивало русских помещиков на воинственный лад. Но и промышленники были заинтересованы в экспорте продуктов сельского хозяйства: активный баланс и финансовая устойчивость были следствием высокого экспорта русского хлеба. А главное — русские и германские промышленники ожесточенно боролись между собой на внутреннем русском рынке и еще больше на ближневосточном. Не даром русские империалисты уделяли такое внимание вопросу о проливах, о „ключе от русских дверей". Этот вопрос занимал не только помещиков южных губерний, откуда экспорт хлеба шел главным образом через Дарданеллы. „Вопрос даже о Константинополе приходится далеко расширить за пределы влияния русского хлебного вывоза и торгового баланса 1912—1913 г.г. Эго был большой вопрос русского империализма, зревший по мере того, как зрел последний" (Покровский).

Борьба за проливы и Константинополь.

Борьба за проливы со стороны России имеет больше, чем столетнюю давность. Перечислим кратко этапы этой борьбы. Взятие Петром Азова. Кучук-Кайнарджийский трактат 1774 года, по которому Турция предоставила России право свободного плавания торговых судов по Черному морю. Завоевание Крыма (Ясский договор 1792 г.). Ункиар-Скелесский договор в 1833 году — Турция обязывалась закрывать вход в Черное море по первому требованию России. Договор 1840 года установил в пределах Черного моря принцип „закрытых дверей", этот же принцип был подтвержден лондонской конвенцией в следующем 1841 году. Неудачная крымская война 1855 года ослабила позиции России и привела к парижскому трактату 1856 года, который сильно ущемлял права русского торгового капитала. Трактат 1871 года узаконил преобладающее влияние в районе проливов Англии: Англия, будучи хозяином положения, предоставила Турции право „открывать двери" по своему желанию. Удачная для России война 1877 — 1878 г.г. не изменила, однако, положения с проливами, так как Англия заставила Россию отказаться от выгодного Сан-Стефанского договора и согласиться на гораздо менее выгодный мир с Турцией, закрепленный в Берлинском трактате. После русско-японской войны Франция, разочаровавшись в военной силе России и нуждаясь в союзнике против Германии, кинулась в объятия Англии. Присмиревшая, еще не залечившая своих кровавых ран, Россия поплыла в фарватере англо-французской внешней

политики. Англия охотно допустила к сотрудничеству Россию, несмотря на то, что в течение десятков лет интересы обеих стран сталкивались в Азии и в Дарданеллах. Англия, которая раньше считала главным своим противником на Ближнем Востоке Россию, вынуждена была обратить преимущественное свое внимание на нового, еще более могущественного конкурента — Германию. Англия теперь стремилась — по выражению Бисмарка — „заставлять двух болванов тузить друг друга“. Эта „игра“ стоила „свеч“: можно было в интересах общего дела смотреть сквозь пальцы на происки России, связанные с ее мечтаниями о Константинополе, и даже допустить некоторые „вольности“ с ее стороны. Россия же в это время — после русско-японской войны — как раз особенно сильно заинтересовалась Ближним Востоком: на Дальнем Востоке игра была окончательно проиграна. Но Англия была на страже своих интересов и не хотела, чтобы дело зашло слишком далеко. Когда Россия в 1908 году попыталась, на основе договоренности с Австро-Венгрией, добиться для себя права свободного прохода через проливы,— Россия изъявила согласие на аннексию Австро-Венгрией Боснии и Герцоговины в обмен на признание особых интересов России в вопросе о проливах, — то Англия и Франция одернули „русского медведя“, и последнему пришлось подчиниться: неудачи 1905 года еще слишком свежи были в памяти.

Вторая неудача русского империализма относится к 1911 году: Австрия отказалась от выполнения своих

обязательств по отношению к России, и Турция, опираясь на Англию и Францию, отстояла статус-кво (прежнее положение вещей).

Третья неудача связана с балканской войной 1912 г. Константинополь по ходу военных действий мог быть отвоеван у турок, но в тогдашней обстановке он достался бы, вероятно, болгарам, и Россия предпочла, чтобы он остался у Турции.

Мировая война открыла, наконец, перед русским империализмом вполне реальную перспективу — возможность захвата проливов и Константинополя. Было очевидно, что Турция после некоторых колебаний будет втянута в войну и станет на сторону Германии. Турция могла сравнительно свободно „дышать“, покуда руки Англии и России были связаны взаимным соперничеством на Ближнем Востоке. Но когда Англия и Россия стали союзниками, Турция взяла твердый курс на Германию, рассчитывая с ее помощью сохранить свой суверенитет (независимость). Через короткое время после начала войны Турция действительно по приказу Германии начала войну против России. А в России этого только и ждали.

17 января 1915 года при открытии Государственной думы председатель комитета министров Горемыкин сделал заявление о том, что „все более и более ясно вырисовывается блистательное будущее России на морских берегах у подножья Царьграда“. Сазонов, министр иностранных дел, говорил о том, что „приближается момент, когда будет разрешен экономически и политически вопрос, связанный с выходом России в

открытое море". Заодно с министрами выступали и члены Думы: представитель партии русского империализма кадет Милюков прямо требовал „овладения проливами и Константинополем".

Для Англии и прочих союзников было ясно, что настал момент, когда необходимо пообещать русской буржуазии Константинополь, чтобы использовать неистощимые людские ресурсы России в войне с Германией, и Англия решилась на этот шаг скрепя сердце. Взамен обещания Константинополя и проливов Англия потребовала от России компенсации... в Персии, уступки ей так называемой „нейтральной зоны".

Английский посол в России, Бьюкенен, с циничной откровенностью описывает торг, который велся между ним и Николаем II по вопросу об ограблении территории чужих народов.

Франция, со своей стороны, получила согласие России на оккупацию ею, совместно с Англией, территории Западной Германии и германских колоний.

На этих условиях „союзники" окончательно скрепили взаимные узы и для достижения своих грабительских целей направили соединенные силы против центральных держав.

„Критика оружием" должна была решить вопрос о том, какая из коалиций возьмет верх и добьется первенства, какая группа капиталистических держав окажется в результате борьбы победительницей и навяжет противнику свои требования.

III. Социал-империализм (оборончество).

О том, что империалисты готовят мировую войну, что во всех капиталистических странах с каждым годом растут военные бюджеты, что обострение противоречий достигло такой степени, когда каждую минуту можно было ожидать, что вот-вот „ружья сами начнут стрелять",— об этом было широко известно. Можно сказать, что „воробьи чирикали об этом на крышах". Поэтому естественно было бы ждать от революционных социалистов твердой и ясной тактики в борьбе против той войны, которую капиталисты затевали в своих, чуждых пролетариату, целях. Как социалисты на деле реагировали на опасность войны?

Штутгартский и Базельский конгрессы II Интернационала.

Штутгартский конгресс II Интернационала, собравшийся в 1907 году, хотя и осудил милитаризм и рекомендовал бороться против войн, являющихся в капиталистических условиях последствием конкуренции и борьбы за новые рынки, показал, однако же, наглядно, что крупнейшие партии Интернационала — германская и французская — стоят в своем большинстве на позиции „защиты отечества". Только левое меньшинство конгресса, руководимое Лениным и Розой Люксембург, ясно видело опасность и правильно намечало тактику социалистов в будущей войне. Ленину удалось провести на конгрессе поправку к резолюции о войне. Поправка Ленина в окончательном виде гласила: „Если же война уже возникла, несмотря

на все эти меры, то они (социалисты всех стран) обязаны приложить все усилия к тому, чтобы ее как можно скорее прекратить и всеми силами использовать вызванный войной экономический и политический кризис для того, чтобы всколыхнуть наиболее глубоко лежащие общественные слои и ускорить падение капиталистического господства".

Эта резолюция была подтверждена последующими конгрессами II Интернационала — Копенгагенским в 1910 году и Базельским в 1912 году.

„Пусть правительства хорошо запомнят,— говорилось в манифесте Базельского конгресса,— что при современном состоянии Европы и настроении умов в среде рабочего класса возникновение войны не окажется безопасным для них самих. Пусть они вспомнят, что франко-германская война вызвала революционный взрыв Коммуны, что русско-японская война пробудила движение революционных сил русского народа... Рабочие считают преступлением стрелять друг в друга из-за выгод капиталистов, из-за честолюбия династий или из-за хитросплетений тайных соглашений".

В самые последние дни перед началом военных действий, буквально накануне войны, социалисты грозили, что в случае войны „бедные классы, испытывающие нужду и угнетение, наконец, пробудятся и установят социалистическое общество". Но когда война стала реальным фактом, социалисты ответили на нее не так, как обещали на конгрессах, а совершенно иначе — ответили чудовищной изменой.

4 августа.

4 августа, в самом начале войны, германские и французские социалисты одновременно голосовали за военные кредиты и высказались за поддержку своих империалистических правительств, за войну. До какой глубины дошло падение руководящих партий II Интернационала, видно из того, что знаменитая декларация, прочитанная Гаазе 4 августа от имени социал-демократической фракции в рейхстаге, была предварительно согласована с... канцлером г. фон-Бетман-Гольвегом. По настоянию последнего, из первоначального текста декларации были выброшены следующие слова: „с того момента, как война станет завоевательной, мы восстанем против нее всеми самыми решительными мерами"... Вся фракция в целом, не исключая незначительной группы оппозиционеров, предлагавших отклонить требование правительства, голосовала за военные кредиты. Шейдеманы и Мюллеры мотивировали свое поведение необходимостью „обеспечить культуру и независимость нашего собственного отечества" и предотвратить возможную победу „русского деспотизма". Французские социалисты, в свою очередь, оправдывали свое предательство словами о необходимости „спасения цивилизации" и решительного отпора „германскому милитаризму".

И те, и другие не видели никакой разницы между национальными и империалистическими войнами и продолжали считать себя „действующими солидарно с Интернационалом (!), всегда признававшим право каждого народа на национальную самостоятельность и защиту" (из декларации германской социал-демократической фракции).

Маркс и Энгельс о национально-освободительных войнах.

Социал-империалисты ссылались в оправдание своего ренегатства на... Маркса и Энгельса, которые-де всегда признавали право социалистов на защиту отечества. Правда, Маркс и Энгельс заявили в „Коммунистическом манифесте“, что пролетарии не имеют отечества, но те же основоположники научного социализма были за войну против России в 1848 году и желали России поражения в 1854—1856 г. г. Социал-шовинисты извращали самым наглым образом взгляды великих основоположников научного социализма, изображая их чуть ли не заурядными патриотами. Маркс подходил к каждой войне с учетом интересов международного пролетарского движения и характера данной войны. Маркс высказывался за желательность поражения Наполеона III в 1859 г., потому что Франция противилась объединению Италии и Германии. Поэтому Маркс и Энгельс звали Германию вмешаться в войну против Наполеона. Они понимали превосходно, что Россия оказалась бы, вероятно, в одном лагере с Францией против Германии. Но Маркс и Энгельс как раз и стремились к превращению войны 1859 года в революционную войну против реакционной русско-французской коалиции, затруднявшей объединение Италии и Германии. Маркс полагал, что в итоге революционной войны удастся добиться полного уничтожения феодализма. Маркс добивался, пока была возможность, международного революционного решения национального вопроса в Европе. Другими словами, Маркс и Энгельс хотели предотвратить

позднейшее объединение Германии по методу „железного канцлера“ Бисмарка,— объединение „сверху“, — и в 1859 году еще не теряли надежды на возможность более решительной борьбы с феодализмом, на объединение „снизу“. По той же причине Маркс высказывался за желательность победы германского народа в войне 1871 года, но Маркс подчеркивал — победы не Пруссии, ибо революционный путь объединения Германии тогда еще не был исключен, и после того, как во Франции была объявлена республика, Маркс стал сторонником республиканской Франции и высказывался в ее пользу против реакционной Германии. Вот каковы были взгляды Маркса и Энгельса в эпоху буржуазно-прогрессивных войн (1789 — 1871 г. г.). Социал-шовинисты типа Давида и Ленша, ничтоже сумняшеся, ставят знак равенства между своим отношением к русско-французской коалиции, противостоявшей Германии в войне 1914 года, и отношением Маркса к франко-русской коалиции в войне 1859 года, упуская из виду коренное различие эпох и несоизмеримость двух типов войн — национально-освободительных и империалистических. „Вот видите, — убеждали Шейдеманы германских рабочих, — Маркс и Энгельс в свое время тоже были против французов и русских! Вы видите, что мы свято храним заветы Маркса!“

Подобная возмутительная фальсификация взглядов Маркса и Энгельса была в годы войны широко распространенным явлением среди социал-шовинистов — и не только в Германии.

Плеханов на крайнем правом фланге меньшевизма. До полной победы над врагом!

К извращению марксизма прибегали в частности „наши“ социал-патриоты — и прежде всего Плеханов и его единомышленники, стоявшие на крайнем фланге русского социал-шовинизма.

Постараемся бегло характеризовать позицию Плеханова во время войны. Плеханов сотрудничал в одном журнале („Призыв“) с Алексинским, бывшим некогда большевиком, но затем перешедшим в лагерь монархизма, и крайними правыми эсэрами — Бунаковым и Авксентьевым. Вслед за этой группой идут справа налево: Потресов, Гвоздев, Маслов и другие открытые оборонцы или правые, объединявшиеся в „Нашей заре“ и в сменившем ее ликвидаторском легальном журнале „Наше дело“ и затем (после закрытия этого органа) в журнале „Самозащита“.

Между взглядами Плеханова и группы „Наше дело“ не было почти никакой разницы. Сама редакция журнала заявляла, что взгляды Плеханова во многих отношениях совпадают со взглядами „Нашего дела“. Оттенки и частные разногласия между Плехановым и „нашедельцами“ оставались в пределах общей „генеральной линии“, т. е. в пределах открытого социал-шовинизма. Сущность этих „законных оттенков“ такова: в то время как Плеханов высказывался открыто за поддержку русского империализма и считал желательной полную победу над „коварным немцем“, шовинисты из „Нашего дела“ выдвигали более „скромный“ лозунг — „непротиводействия войне“. Вполне понятно, что, оставаясь на своей позиции, Плеханов должен был рекомендо-

вать социал-демократической думской фракции голосовать за предоставление кредитов царскому правительству на расходы, связанные с войной. Плеханов считает Германию нападающей стороной и на этом основании признает ее виновной и заслуживающей строгого возмездия. Плеханов пытается „по-марксистски" обосновать воинственный пыл немцев. Жажда войны „обусловливается, конечно, не свойствами германской расы,— объясняет Плеханов,—а тем простым историческим обстоятельством, что германский капитализм „пришел слишком поздно". Отсюда Плеханов делает вывод об особой опасности германского империализма и милитаризма и о необходимости всемерной поддержки Четверного согласия, т.-е. Антанты. Русский пролетариат заинтересован в поражении Германии не меньше буржуазии, ибо в случае победы немецкого оружия Россия станет аграрным придатком, колонией германского капитала, который при этом будет опираться на феодально-помещичьи слои в России. Поэтому, „все, что ослабляет силу сопротивления Четверного согласия, идет теперь на пользу политической реакции". „Победа германского империализма,— говорил Плеханов,— явится сильнейшим препятствием на пути экономического развития России. А так как в своем качестве марксиста я думал и думаю, что экономика в последнем счете всегда сильнее политики, то для меня сейчас же стало ясно, что поражение России очень сильно замедлит ее экономическое развитие, стало-быть и рост ее рабочего движения, тем самым весьма значительно отдалит время политической эмансипации России". На своей конферен-

ции 5 сентября 1915 г. плехановцы говорили: „Успех революционной демократии в ее борьбе за свои общие социальные и политические требования будет зависеть от энергии ее участия в самозащите народа от неприятельского нападения. Путь, ведущий к победе, является и путем, ведущим к свободе“. Плеханов не боялся усиления реакции в результате победы царизма. „Пусть будет так,— утверждал Плеханов.— Даже усилив на время реакцию победа приведет в конце концов к ее исчезновению, так как благодаря победе Россия избежит тех препятствий, которые были бы воздвигнуты поражением на пути ее экономического развития“. Это рассуждение не блещет оригинальностью: такой же довод о необходимости обороны отечества в интересах грядущей „свободы“ мы находим у социал-шовинистов противоположного лагеря — в частности, у Ленша, который доказывал, что поражение Германии неизбежно ослабит передовой рабочий класс и отдалит час... социалистической революции! Ленш был столь же „логичен“, как и Плеханов, призывая немецких рабочих к безоговорочной поддержке „своей буржуазии“. На чью мельницу лил воду Плеханов — ясно само собой. Письмо к рабочим, в котором Плеханов убеждал рабочий класс принять активное участие в „оборонительной“ войне против Германии, нашло радостный отклик... в охранке Так, например, начальник казанского губернского жандармского управления доносил, что „под влиянием письма Плеханова, призывающего рабочих приложить свои силы в тылу армии для доставления ей необходимых предметов и тем способствовать победе над

врагом, сознательные (?!) рабочие заговорили, что немцев нужно разгромить, так как иначе мир, продиктованный Германией, принесет собой пролетариату всех стран ужасы новых войн, новые угрозы классовому движению и классовой пролетарской солидарности, жить станет тяжелее; с победою же русских нужно ожидать если не полного разоружения государств, то во всяком случае, доведения милитаризма до минимума; победа заставит пойти правительство на многие уступки, которых иначе нужно было бы добиваться еще долгие годы и с большими жертвами".

Плеханов угодил охранке!

„Нашедельцы" или „гвоздевцы". „Непротиводействие войне".

Перейдем теперь к позиции „Нашего дела", к позиции правого крыла меньшевиков *).

На обращение Вандервельде к русским социалистам о необходимости активного участия в „справедливой" войне против „прусского юнкерства" ответственные представители оборончеческого течения ответили декларацией, в которой позиция наших „отечественных" оборонцев нашла выпуклое отражение.

„Дорогой товарищ!— Так начинается письмо меньшевиков к „министру Вандервельде".— До нас дошла ваша телеграмма, пропущенная военной цензурой. Мы приветствуем бельгийский пролетариат и вас, его представителя. Мы знаем, что вы, как и весь международный пролетариат, энергично противодействовали войне,

*) Плеханов со своей группой стоял, как известно, формально вне рядов меньшевистской партии.

когда она подготовлялась господствующими классами великих держав. Но против воли пролетариата война началась. В этой войне ваше дело есть правое дело самозащиты против тех опасностей, которые грозят демократическим свободам и освободительной борьбе пролетариата со стороны агрессивной политики прусского юнкерства".

Меньшевики выражают готовность всячески поддержать „правое дело" союзников и подчеркивают политическую близорукость царского правительства, отвергающего услуги меньшевиков. „...Пролетариат России,— жалуются социал-шовинисты,— лишен всякой возможности открыто выражать свое коллективное мнение и осуществлять свою коллективную волю: те немногие его организации, которые существовали до войны, закрыты. Печать уничтожена. Тюрьмы переполнены. Это лишает социал-демократию России возможности занять в настоящий момент ту позицию, которую заняли социалисты Бельгии, Франции и Англии, и, активно участвуя в войне, взять на себя ответственность за действия русского правительства как перед страной, так и перед международным социализмом".

По этим причинам меньшевики несколько отмежевываются от ура-патриотического плехановско-авксентьевского „Призыва", но, обращаясь с жалобой на „действия русского правительства" к бельгийскому министру и представителю II Интернационала г. Вандервельде, меньшевики тут же спешат его успокоить:

„Мы заявляем вам, что в своей деятельности в России мы не противодействуем войне"...

На практике этот лозунг — „непротиводействие войне“ — оказался малосостоятельным: оборонческая позиция толкала меньшевиков на путь прямой поддержки империалистической буржуазии. Последняя, в свою очередь, искала сближения с оборонцами. Буржуазии нужна была — по выражению М. Н. Покровского — „смычка с рабочими“. Смычка буржуазии, — правда, не с рабочими, а с правыми меньшевиками и народниками, представлявшими оппортунистические слои рабочей верхушки, — была установлена в 1915 году в форме рабочих групп при военно-промышленных комитетах. Борьба вокруг выборов в военно-промышленные комитеты — один из самых ярких эпизодов классовой борьбы в годы войны (мы еще вернемся к этому вопросу).

„Оказалось, — писал Ленин, оценивая итоги выборной кампании, — что есть два, всего только два течения: одно — революционно - интернационалистическое, действительно пролетарское, организованное нашей партией, оно было против обороны. Другое — „оборонческое“ или социал-шовинистское, было блоком „нашедельцев“ (т.-е. главного ядра ликвидаторов), плехановцев, народников и беспартийных, при чем весь этот блок поддерживала вся буржуазная печать и все черносотенцы в России, доказав тем буржуазную, а не пролетарскую сущность политики этого блока“. Буржуазия давала самую лестную оценку деятельности Гвоздева и других представителей рабочих групп в военно-промышленных комитетах и подчеркивала их „заслуги“ перед „родиной“. Когда правительство разгромило рабочие группы, последние нашли горячих заступ-

ников в лице... Гучкова и других крупных капиталистов.

От позиции „непротиводействия войне“ меньшевики быстро переходили к тактике всемерной поддержки „своей“ буржуазии и активного участия в „обороне отечества“. Если в начале войны,— писал Череванин в журнале „Наше дело“,— при совокупности тех конкретных условий, которые существовали, мы могли ограничиваться рекомендацией пролетариату тактики „непротиводействия войне, „то теперь мы можем и должны итти дальше“...

Итти дальше — это означало окончательно и безоговорочно порвать последние нити международной пролетарской солидарности и в дальнейшем служить империалистской буржуазии не за страх, а за совесть. На этот путь меньшевики-оборонцы и скатились к величайшей радости буржуазии, которая без особого труда находила общий язык с „полуоформленной почти партией Потресовых, Гвоздевых, Булкиных, Чхеидзе, Скобелевых и К^{о}“, как указывал Ленин. „Доходные и спокойные местечки в министерстве или в военно-промышленном комитете, в парламенте и в разных комиссиях, в редакциях „солидных“ легальных газет или в правлениях не менее солидных и „буржуазно-послушных“ рабочих союзов,— вот чем привлекает и награждает империалистская буржуазия представителей и сторонников буржуазных рабочих партий“,— писал Ленин. Опираясь на социал-шовинистов этого типа, буржуазия эксплоатировала в своих интересах „добросовестное оборончество“ отсталых пролетарских и мелкобуржуазных слоев.

IV. „Центризм“ и „центристы“. Каутскианство и „левый центр“: Дан, Мартов и Троцкий.

Ленин не случайно объединял в одну компанию Гвоздевых, Потресовых и Чхеидзе, т.-е. и правых оборонцев и представителей так называемого „центра“.

Правые, левые и „центр“.

„Есть три течения в международном социализме, — отмечал Ленин, — 1) шовинисты, последовательно проводящие политику оппортунизма; 2) последовательные враги оппортунизма, которые во всех странах уже начинают заявлять о себе (оппортунисты разбили их большею частью наголову, но „разбитые армии хорошо учатся“) и которые способны вести революционную работу в направлении гражданской войны; 3) люди, растерявшиеся и колеблющиеся, которые теперь плетутся за оппортунистами и приносят пролетариату больше вреда лицемерными попытками почти научно и марксистски (не шутите!) оправдать оппортунизм“.

В России третье, т. - е. центристское, направление возглавлялось меньшевистским организационным комитетом, созданным в противовес большевистскому центральному комитету в 1912 году и игравшим руководящую роль в оформлении „августовского блока“.

К началу войны от беспринципного авантюристского блока остались лишь обломки. Одна часть групп, входивших в объединение, ушла к открытым социал-шовинистам, другая — пыталась прикрыть свой оппортунизм „левой“ фразой. Левое крыло меньшевизма соста-

вилось из представителей заграничного секретариата ОК. Некоторые оттенки сохранились и внутри секретариата ОК: Аксельрод был близок к Дану, находившемуся в ссылке и занимавшему позицию „правого центра", Мартов, будучи представителем „левого центра", издавал в начале войны вместе с Троцким газету „Наше слово". Наконец, на самом крайнем левом фланге меньшевизма стоял Троцкий.

Правый центр. Каутскианство.

Правый центр в лице ОК и думской фракции не имел никакой самостоятельной линии. „Окисты стараются уверить публику, что у фракции Чхеидзе и у ОК есть своя линия, вполне интернационалистская и несогласная с линией „Нашего дела". Эти уверения, — подчеркивал Ленин, — представляют из себя самую вопиющую неправду. Ни одного такого факта нет. В течение ряда лет, 1912—1914, фракция Чхеидзе и ОК играли роль пешек при „Нашей заре", защищали ее политику систематически, что прекрасно известно рабочим Питера и других мест".

„Наше дело", — заключал Ленин, — есть политическая величина, питаемая либеральными связями, а ОК и фракция Чхеидзе суть политические декорации, вполне и целиком ведущие политику „Нашего дела".

Теоретическую основу своей тактики центристы находили у Каутского, занимавшего промежуточную, колеблющуюся позицию между последовательным революционно-интернационалистским и социал-шовинистским течениями, „среднюю" позицию „между Баденом

и Люксембургом", как характеризовал свою позицию сам Каутский *).

Каутский выдвинул знаменитый тезис о „взаимной амнистии" после войны всех социал-демократических партий, согрешивших в период войны. Каутский убеждал рабочих, что за день 4 августа (день чудовищной измены вождей социализма) винить нельзя никого, ибо все партии, по мнению Каутского, были искренно уверены в своей правоте и в том, что они не отступают от заветов Интернационала. „Марксистское понимание,— поучал Каутский после начала войны, — может в данном случае прийти к выводу, что у различных держав господствуют одинаковые тенденции, ставящие их во враждебные отношения друг к другу, и что в этом отношении ни одна из них не может упрекнуть другую". „Если, несмотря на все усилия социал-демократии, дело дойдет до войны, то каждая нация должна спасать свою шкуру, как только она может. Из этого для социал-демократии всех наций вытекает одинаковое право или одинаковая обязанность принимать участие в такой защите, при чем никого не приходится упрекать за это". Замечательно просто! Противоречия интересов

*) Игра слов. Баден был центром германского оппортунизма, Люксембург—маленькое государство в Западной Европе и в то же время фамилия известной деятельницы левого крыла международной социал-демократии. Родина Маркса (Трир) лежит на пути между Баденом и Люксембургом. Каутский своим каламбуром хотел сказать, что он является представителем ортодоксального (подлинного) марксизма и чужд крайностей как справа, так и слева — Бадена, с одной стороны, и Розы Люксембург, с другой.

капиталистических держав с неизбежностью приводят к войнам; социал-демократия стремится их предотвратить, но... если это не удается, социалисты обязаны защищать „свою“ страну. „Упрекать“ за это никого нельзя — и огорчаться особенно не следует, так как после войны все опять может войти в норму. Ведь Интернационал молчит только тогда, когда „говорят“ пушки и винтовки. А после войны Интернационал опять возродится, как феникс из пепла. „Интернационал,— заявлял Каутский,— не является орудием военного времени“. „Интернационал может со всей силой развернуть свое влияние только во время мира“.

На каутскианской позиции стояли и русские „центристы“ — „окисты“ (сторонники меньшевистского ОК). Они выступали решительным образом против революционной тактики большевиков, против „гражданской войны“ и пораженчества, против решительного разрыва с социал-шовинизмом, о чем мы еще будем иметь случай говорить. „Ни побед, ни поражений! — только таким сейчас может быть лозунг всех выдержанных интернационалистов“, — писали „окисты“. Меньшевики не могли открыто высказываться за победу России — это было бы явным отступлением от интернационализма, — но они призывали рабочих к участию в „обороне“ России. Меньшевики-„интернационалисты“, выступая против военного разгрома царизма, говорили, в сущности, языком оборонцев. „Окисты“ боялись, что „разгром (России) может грозить новыми формами национального угнетения и раздробления“ и может привести к „ухудшению условий экономического раз-

вития России". Все разнообразные течения меньшевизма, от крайне правого до крайне левого, считали нежелательным и даже катастрофическим возможное поражение России. Можно сказать поэтому, что „стыдливый" шовинизм „левых" центристов имел ту же основу, что и неприкрытый шовинизм Плеханова и Гвоздева, а именно признание необходимости активного и совместного с буржуазией участия в войне. Особенно вредным был шовинизм „центристов", шовинизм Каутского. „Каутский всех лицемернее, всех отвратительнее, всех вреднее", — писал Ленин в годы войны.

Революционный шовинизм. Меньшевики-интернационалисты.

От обычного шовинизма мало чем по существу отличался революционный шовинизм меньшевиков „интернационалистов", сочетавших шовинизм с революционной борьбой против царизма во имя победы буржуазного империализма. „Само собой разумеется,— писал Мартов еще в 1915 г.,— что если бы нынешний кризис привел к победе демократической революции, к республике, — характер войны коренным образом изменился бы". Здесь меньшевиками намечена их будущая тактика в 1917 году, после перехода власти к буржуазии, тактика окончательного слияния с буржуазной демократией и окончательного перехода в лагерь империалистической буржуазии. Само собой разумеется, что в этом пункте, как и в других, меньшевики и большевики расходились между собой самым решительным образом. Равным образом приходилось вскрывать и ошибки „внефракционных" троцкистов, примыкавших к меньшевикам.

Троцкизм. Крайний левый фланг меньшевизма. Левый центр.

Основные грехи „центризма" характерны и для позиции Троцкого. Теоретические корни заблуждений Троцкого в годы войны можно найти в его неправильной теории империализма. „Империализм есть капиталистически-хищническое выражение этой*) тенденции хозяйства — окончательно вырваться из идиотизма национальной ограниченности" — так характеризует Троцкий империализм. В этом определении империализма Троцкий выпячивает только одну черту последней стадии капитализма — перерастание национальных границ — и не упоминает ни о монополизме, ни о загнивании и скачкообразном, неравномерном развитии капитализма. Исходя из ошибочной характеристики империализма, Троцкий неизбежно приходит и к ошибочной оценке характера мировой войны, рассматривая ее прежде всего как „крушение национального государства". „Объективный смысл войны, — говорит Троцкий, — состоит в разрушении нынешних национально-хозяйственных гнезд во имя мирового хозяйства"...

Отвергая по этой причине лозунг защиты отечества и блок со „своей" либеральной буржуазией, Троцкий выдвигал в противовес правому крылу меньшевизма свою, выработанную еще в 1905 году и несколько подчищенную применительно к эпохе империалистической войны, теорию перманентной революции. „Национальная буржуазная революция в России невозможна за отсутствием подлинно революционной буржуазной

*) Централистической.

демократии, — подчеркивает Троцкий. — Время национальных революций прошло — по крайней мере для Европы — так же, как и время национальных войн. Между теми и другими глубокая внутренняя связь. Мы живем в эпоху империализма... Он противопоставляет не буржуазную нацию старому режиму, а пролетариат — буржуазной нации".

Схема Троцкого отличается крайним упрощенством. Она недиалектична, она не учитывает ленинского закона неравномерности экономического и политического развития капитализма. Троцкий утверждает, что национальные войны и национальные революции в эпоху империализма невозможны, и тем самым повторяет и углубляет свои старые ошибки по вопросу об оценке движущих сил революции, о роли крестьянства. „Троцкий, — писал Ленин в 1915 году, — на деле помогает либеральным рабочим политикам России, которые под отрицанием роли крестьянства понимают нежелание поднимать крестьян на революцию".

Тактические ошибки Троцкого вытекали из его неверного анализа особенностей эпохи империализма и чисто механического неленинского противопоставления национально-буржуазной революции — революции социалистической. Поэтому, несмотря на ультра-революционную словесность, которой Троцкий богато уснащал все свои тезисы в годы войны, он по основным вопросам оставался на позициях меньшевизма, на позициях „левого центра".

„Центристский" каутскианский лозунг борьбы за мир, который Троцкий противопоставлял большевистскому

лозунгу гражданской войны и пораженчества, связан с ошибочными теоретическими взглядами Троцкого, со „вторым изданием" его теории перманентной революции, по существу ничем не отличающимся от первого издания эпохи революции 1905 года. „Немедленное прекращение войны, — писал Троцкий,—вот лозунг, под которым социал-демократия может снова собрать свои рассеянные ряды как в партиях отдельных стран, так и во всем Интернационале... Собрать ряды пролетариев в борьбе за мир — значит противопоставить неистовствующему империализму по всему фронту силы революционного социализма".

Троцкий резко критиковал линию большевистского „Социал-Демократа" за то, что последний отвергал троцкистскую (точнее каутскианскую) формулу борьбы за мир. Троцкий неоднократно утверждал, что „сектантство", „узость" и тому подобные черты мешают группе „Социал-Демократа" (т.-е. большевикам), „охватить все революционные элементы движения". А Троцкий в качестве „внефракционного" социал-демократа считал объединение фракций первейшею из задач и оставался в этом вопросе на старой „примиренческой" позиции *). Большевистский лозунг превращения империалистической войны в гражданскую, противопоставленный лозунгу борьбы за мир, казался Троцкому

*) Это „примиренчество" мешало Троцкому правильно оценить крах II Интернационала. Мы ниже увидим, что Троцкий в „утробный период" формирования III Интернационала занимал по вопросу о международном объединении рабочих позицию „правого циммервальдизма".

лишенным „для переживаемого нами периода своего значения“. По этой же причине Троцкий отбрасывал, по его словам, „парадоксальную и внутренне-противоречивую формулу — „поражение России — меньшее зло“.

Ленин выдвигал тезис, что „революционный класс в реакционной войне не может не желать поражения своему правительству“. „Желание поражения России, — возражал Троцкий, — есть ничем не вызываемая и ничем не оправдываемая уступка политической методологии социал-патриотизма, который революционную борьбу против войны и условий, ее породивших, подменяет крайне произвольной в данных условиях ориентацией по линии наименьшего зла“.

Ленин считал это возражение Троцкого „образцом надутых фраз, какими Троцкий всегда оправдывает оппортунизм“. „Революционная борьба против войны, — продолжал Ленин, — есть пустое и бессодержательное восклицание, на которое мастера герои II Интернационала, если под ней не разуметь революционные действия против своего правительства во время войны... Если бы Троцкий подумал, то увидел бы, что он стоит на точке зрения войны правительств и буржуазии, т.-е. он раболепствует перед „политической методологией социал-патриотизма“.

Ленин приходит к выводу, что тот, кто высказывается против лозунга поражения „своего“ правительства, предпочитая выдвинуть на его место лозунг борьбы за мир или „ни побед ни поражений“, „тот сознательный или бессознательный шовинист, тот в лучшем случае примирительный мелкий буржуа, но во всяком случае

враг пролетарской политики, сторонник теперешних правительств, теперешних господствующих классов".

„Враг пролетарской политики"— вот как сурово Ленин характеризует „сознательных или бессознательных" шовинистов, к числу которых он относит как оборонцев, так и „центристов" всех мастей, вплоть до крайне „левых" троцкистов.

V. Война войне!

Основные партийные документы периода войны.

Тезисы о войне, в которых впервые отношение партии к войне нашло четкое выражение, были составлены Лениным сейчас же после начала войны — в августе 1914 года. Тезисы обсуждались в конце сентября 1914 года на конференции итальянской и швейцарской социал-демократии в Лугано, в Италии, и здесь подверглись сильному смягчению в духе умеренного „центризма". В конце того же года тезисы обсуждались уже в России (в Озерках) на конференции русской части Центрального Комитета и думской большевистской фракции: ленинские тезисы были одобрены и после этого переработаны в Манифест ЦК, напечатанный 1 ноября 1914 года в центральном органе партии „Социал-Демократ".

В третий раз эти же тезисы подверглись обсуждению в феврале 1915 года на конференции представителей заграничных секций партии — в Берне, в Швейцарии. Здесь многие пункты, вызывавшие особо острые разногласия — о гражданской войне и пораженчестве—

получили окончательную формулировку. Тезисы Ленина, Манифест, написанный опять же Лениным в виде передовой статьи в номере 33 „Социал-Демократа" под названием „Война и российская социал-демократия", резолюции Бернской конференции, брошюра „Социализм и война", написанная Лениным и Зиновьевым в августе 1915 года и комментирующая партийные решения, и, наконец, статья Ленина „Несколько тезисов", напечатанная в октябре 1915 года,— вот основные документы, в которых позиция партии в период войны нашла наиболее законченное выражение. В первые недели войны, когда связь с заграничным центром и отдельных организаций между собой была прервана, на местах наблюдались попытки самостоятельной выработки партийных „платформ". После опубликования ленинских тезисов и Манифеста споры сосредоточились вокруг этих основных документов, определивших позицию партии.

Лозунг превращения империалистической войны в войну гражданскую — генеральный лозунг партии.

Чем характеризуется позиция партии в годы войны?

Основной лозунг большевизма в период войны — лозунг превращения империалистической войны в войну гражданскую. Еще у Маркса, в его работе о Парижской Коммуне, можно найти в зародышевом виде лозунг превращения внешней войны в войну гражданскую. Ленин дополнил, развил и углубил гениальную мысль Маркса.

В первоначальном наброске тезисов Ленина „по поводу настоящей войны" этот лозунг выдвинут на пер-

вый план, как генеральный лозунг партии. В седьмом тезисе мы читаем:

„Лозунгами социал-демократии в настоящее время должны быть, во-первых (разр. наша), всесторонняя распространяющаяся на войска и на театр военных действий пропаганда социалистической революции и необходимости направить оружие не против своих братьев, наемных рабов других стран, а против реакции буржуазных правительств и партий всех стран. Безусловная необходимость организации для такой пропаганды на всех языках нелегальных ячеек и групп в войсках всех наций. Беспощадная борьба с шовинизмом и патриотизмом мещан и буржуа всех без исключения стран. Против изменивших социализму вожаков современного Интернационала обязательно апеллировать к революционной сознательности рабочих масс, несущих на себе всю тяжесть войны и враждебных шовинизму и оппортунизму“.

О лозунге Соединенных Штатов Европы. Ошибочность этого лозунга.

Ленин намечает, на ряду с этим главным лозунгом, и второй, значительно менее важный, очередной лозунг партии. После детального разъяснения того, что партии нужно „во-первых“, Ленин добавляет:

Нужна „...во-вторых, пропаганда, как одного из ближайших лозунгов, республик немецкой, польской, русской и других, на ряду с превращением всех отдельных государств Европы в республиканские Соединенные Штаты“.

Остановимся на этом последнем пункте седьмого тезиса. Отметим прежде всего, что лозунг Соединенных Штатов Европы повторяется и в Манифесте партии:

„Ближайшим политическим лозунгом социал-демократии Европы,— говорится в Манифесте,— должно быть образование республиканских Соединенных Штатов Европы, при чем в отличие от буржуазии, которая готова „обещать“ что угодно, лишь бы вовлечь пролетариат в общий поток шовинизма, с.-д. будет разъяснять всю лживость и бессмысленность этого лозунга без революционного низвержения монархий германской, австрийской и русской“.

В новой формулировке лозунг республиканских Штатов Европы несколько „исправлен“ и „дополнен“, по сравнению с первоначальными тезисами, но и в этом виде лозунг оказался ошибочным и через короткое время был вовсе снят партией. Уже на Бернской конференции, на совещании заграничных большевистских секций, лозунг Соединенных Штатов не находил широкой поддержки, и в печати был поставлен на обсуждение вопрос об экономической стороне этого лозунга. Ленин высказался после конференции решительно за снятие лозунга Соединенных Штатов Европы. Ленин подчеркивал, что в условиях неравномерности развития „Соединенные Штаты Европы, при капитализме, либо невозможны, либо реакционны“.

„Конечно, — продолжал Ленин, — возможны временные соглашения между капиталистами и между державами. В этом смысле возможны Соединенные Штаты Европы, как соглашение европейских капиталистов... о чем? Только о том, как бы сообща давить социализм в Европе, сообща охранять награбленные колонии против Японии и Америки, которые крайне обижены при теперешнем разделе колоний и

которые усилились за последние полвека неизмеримо быстрее, чем отсталая, монархическая, начавшая гнить от старости Европа. По сравнению с Соединенными Штатами Америки, Европа в целом означает экономический застой. На современной экономической основе, т. е. при капитализме, Соединенные Штаты Европы означали бы организацию реакции для задержки более быстрого развития Америки. Те времена, когда дело демократии и дело социализма было связано только с Европой, прошли безвозвратно. Соединенные Штаты мира (а не Европы) являются той государственной формой объединения и свободы наций, которую мы связываем с социализмом,— пока полная победа коммунизма не приведет к окончательному исчезновению всякого, в том числе и демократического государства. Как самостоятельный лозунг, лозунг Соединенные Штаты Мира был бы, однако, едва ли правилен, во-первых, потому, что он сливается с социализмом; во-вторых, потому что он мог бы породить неправильное толкование о невозможности победы социализма в одной стране и об отношении такой страны к остальным".

О победе социализма „первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, стране".

И далее мы в той же замечательнейшей статье „О лозунге Соединенных штатов Европы" читаем широко известные строки, в которых Ленин обосновывает „безусловный закон" неравномерности экономического и политического развития капитализма и доказывает возможность победы социализма „первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капита-

листической стране". „Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы против остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплоататорских классов и их государств".

Ленину приходилось спорить по этому вопросу не только с троцкистами, которые рьяно защищали лозунг Соединенных Штатов и отрицали закон неравномерности развития капитализма, но и с той группой большевиков, которая на Бернской конференции выступала с поддержкой неправильного лозунга *).

Еще о лозунге гражданской войны.

Генеральный большевистский лозунг, а именно лозунг превращения империалистической войны в гражданскую, в течение всего военного периода оставался без изменений.

В Манифесте ЦК партии этот лозунг формулирован вполне отчетливо: „Превращение современной империалистической войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг, указываемый опытом Коммуны, намеченный базельской (1912 г.) резолюцией и вытекающий из всех условий империалистской войны между высоко развитыми буржуазными странами. Как бы ни казались велики трудности такого превращения в ту или иную минуту, социали-

*) Эта группа возглавлялась Н. И. Бухариным. К спорам с группой Бухарина мы еще вернемся.

сты никогда не откажутся от систематической, настойчивой, неуклонной подготовительной работы в этом направлении, раз война стала фактом. Только на этом пути пролетариат сможет вырваться от своей зависимости от шовинистской буржуазии и в той или иной форме, более или менее быстро, сделать решительные шаги по пути к действительной свободе народа и по пути к социализму".

Ссылка на базельскую резолюцию особенно ярко должна была оттенить глубину падения социал-предателей. Господа Шейдеманы и Плехановы отреклись после первых же пушечных выстрелов даже от тех идей революционного марксизма, которые они формально сами же признали правильными на конгрессах II Интернационала. Большевики были единственной партией, которая не только сохранила до конца верность этим идеям, верность лучшим заветам Интернационала, но и указала пути к их осуществлению.

„Не саботаж войны, не отдельные индивидуальные выступления в таком духе,—писал Ленин о лозунге гражданской войны,—а массовая пропаганда... ведущая к превращению войны в гражданскую войну. Никто не решится ручаться, когда и насколько „оправдается" сия проповедь практически: не в этом дело (только подлые софисты отрекаются от революционной агитации из-за неизвестности того, когда будет революция). Дело в такой линии работы. Только эта работа — социалистическая, не шовинистская. И она одна принесет социалистические плоды, плоды революционные".

Эти слова оказались пророческими. Стратегический план большевизма, вопреки уверениям Каутского, Плеханова и других „маститых“ вождей обанкротившегося Интернационала, не имел ничего общего с анархистской псевдо-революционной программой действий, с пустыми угрозами сокрушить буржуазный мир „немедленной“ всеобщей стачкой или „немедленным“ восстанием, хотя большевики, в отличие от тех же оппортунистов, были сторонниками активных революционных методов и не отвергали всеобщей стачки, как одного из факторов вооруженного восстания *). „1) Безусловный отказ от вотирования военных кредитов и выход из буржуазных министерств; 2) полный разрыв с политикой „национального мира“ (bloc national; Burgfrieden); 3) создание нелегальной организации повсюду, где правительства и буржуазия, вводя военное положение, отменяют конституционные свободы; 4) поддержка братания солдат воюющих наций в траншеях и на театрах войны вообще; 5) поддержка всякого рода революционных массовых выступлений пролетариата вообще“ — вот программа, излагающая первые

*) Курьезно, что анархисты, которые больше всех кричали о „всеобщей стачке“ и тому подобных мерах против войны, сами же после войны попали в трясину шовинизма. Удивительного в этом, впрочем, нет ничего. Ленин не даром говорил, что „левый“ уклон является лишь тенью правого. „Естественное „дополнение“ оппортунизма — столь же буржуазное и враждебное пролетарской, т.-е. марксистской точке зрения, — анархо-синдикалистское течение ознаменовало себя не менее позорно самодовольным повторением лозунгов шовинизма во время современного кризиса“ (из Манифеста ЦК партии).

шаги на пути к революционному выходу из войны, которую большевики утвердили на своей Бернской конференции.

„Гражданская война, к которой революционная социал-демократия зовет в настоящую эпоху,— указывает Бернская конференция,—есть борьба пролетариата с оружием в руках против буржуазии за экспроприацию класса капиталистов в передовых капиталистических странах, за демократическую революцию в России (демократическая республика, восьмичасовой рабочий день, конфискация помещичьих земель),—за республику в отсталых монархических странах вообще и т. д.“.

Тем, кто не понимал, что война поставила штык „в порядок дня“, тем, кто выдвигал (подобно, например, скандинавским интернационалистам) в качестве „поправки“ к ленинской постановке вопроса о войне против войны требование „разоружения“, Ленин отвечал:

„Разоружение есть идеал социализма. В социалистическом обществе не будет войн, следовательно, осуществится разоружение. Но тот не социалист, кто ждет осуществления социализма помимо социальной революции и диктатуры пролетариата. Диктатура есть государственная власть, опирающаяся непосредственно на насилие. Насилие в эпоху XX века,— как и вообще в эпоху цивилизации,— это не кулак и не дубина, а войско. Поставить в программу „разоружение“ значит сказать вообще: „мы против применения оружия“.

Партия отвергала пацифистский лозунг „разоружения“, считая его нереволюционным, и, напротив, подчеркивала необходимость вооружения пролетариата

для подготовки его к грядущим боям в их наивысшей форме — форме прямой схватки с классовым врагом. „Империализм, — писал Ленин, — есть ожесточенная борьба великих держав за раздел и передел мира, он неизбежно должен поэтому вести к дальнейшей милитаризации во всех странах, и в нейтральных, и в маленьких. Что же будут делать против этого пролетарские женщины? Только проклинать всякую войну и все военное, только требовать разоружения? Никогда женщины угнетенного класса, который действительно революционен, не помирятся с такой позорной ролью. Они будут говорить своим сыновьям: „ты вырастешь скоро большой. Тебе дадут ружье. Бери его и учись хорошенько военному делу. Эта наука необходима для пролетариев — не для того, чтобы стрелять против твоих братьев, рабочих других стран, как это делается в теперешней войне и как советуют тебе делать изменники социализма, а для того, чтобы бороться против буржуазии своей собственной страны, чтобы положить конец эксплоатации, нищете и войнам не путем добреньких пожеланий, а путем победы над буржуазией и обезоружения ее“ *).

Лозунг поражения.

Лозунг превращения империалистической войны в гражданскую был определяющим лозунгом. Второй лозунг — поражение „своего“ правительства — был производным, несамостоятельным лозунгом.

---

*) Вместе со скандинавскими уклонистами эту ошибку разделяла, как мы увидим позже, и так называемая Божийская группа (группа Бухарина).

„Революция во время войны есть гражданская война,— подчеркивал Ленин, полемизируя с правыми и „левыми“ оппортунистами, с Чхеидзе и Троцким,— а превращение войны правительств в войну гражданскую, с одной стороны, облегчается военными неудачами („поражением“) правительств, а, с другой стороны,— невозможно на деле стремиться к такому превращению, не содействуя тем самым поражению. От лозунга „поражения“ потому и открещиваются шовинисты (с ОК, с фракцией Чхеидзе), что этот лозунг *один только* означает последовательный призыв к революционным действиям против своего правительства во время войны. А без таких действий миллионы революционных фраз о войне против „войны и условий и т. д“ не стоят ломаного гроша“.

Впервые лозунг пораженчества упоминается—правда, еще в недостаточно развернутом виде — в „тезисах по поводу настоящей войны“.

Ленин в этих тезисах писал: „С точки зрения рабочего класса и трудовых масс всех народов России, наименьшим злом было бы поражение царской монархии и ее войск, угнетающей Польшу, Украину и целый ряд народов России и разжигающей национальную вражду для усиления гнета великоруссов над другими национальностями и для укрепления реакции и варварского правительства царской монархии“.

Эта же мысль, с незначительными изменениями, вошла и в Манифест ЦК партии, где в еще более резкой форме, чем в тезисах, указывается, что „наименьшим злом было бы поражение царской монархии, са-

мого реакционного и варварского правительства, угнетающего наибольшее количество наций и наибольшую массу населения Европы и Азии".

Большевики считали необходимым „взять пораженческую инициативу в свои руки", по выражению одного автора. Ленин подчеркивал, что „именно пролетариат самой отсталой из воюющих великих держав (т.-е. царской России) должен был, особенно перед лицом позорной измены немецких и французских с.-д., в лице своей партии, выступить с революционной тактикой, которая абсолютно невозможна без „содействия поражению" своего правительства, но которая только ведет к европейской революции". Сторонники победы над центральными державами и „центристы", отстаивавшие лозунг „ни поражений, ни побед", обвиняли большевиков в сознательном или бессознательном германофильстве, в том, что, стремясь к поражению России, большевики тем самым содействуют победе „германского империализма". Едва ли нужно доказывать, что большевики вовсе не хотели лозунгом поражения России подтвердить правильность той позиции, которую заняли социал-шовинисты Германии, выдвигая лозунг победы „своего", германского, правительства. Если до Бернской конференции в тезисах и Манифесте ЦК речь шла только о том, что поражение царизма — наименьшее зло, и ничего не говорилось о необходимости применения тактики содействия поражению „своего" правительства во всех странах без исключения,— то на Бернской конференции эта неясность, недоговоренность была оконча-

тельно устранена. „В каждой стране,— читаем мы в резолюции Бернской конференций,— борьба со своим правительством, ведущим империалистическую войну, не должна останавливаться перед возможностью, в результате революционной агитации, поражения этой страны. Поражение правительственной армии ослабляет данное правительство, способствует освобождению порабощенных им народностей и облегчает гражданскую войну против правящих классов".

Большевики значительно улучшили прежнюю формулировку лозунга пораженчества, во-первых, подчеркнув его универсальное значение („в каждой стране" должна вестись борьба в этом духе), и, во-вторых, поставив пораженчество в тесную связь с гражданской войной.

Ленин в недавно опубликованной рукописи, написанной им сейчас же после Бернского совещания, так формулирует лозунг пораженчества: „Русские социал-демократы были правы, говоря, что *для них* меньшее зло — поражение царизма, что *их* непосредственный враг — больше всего великорусский шовинизм, но *социалист (не оппортунист) каждой страны должен был видеть своего главного врага в „своем" отечественном шовинизме*" (выделено нами. „Правда", 1 августа 1929 г.). В этом смысле „пораженцами" были или, по крайней мере, должны были быть подлинно революционные социал-демократы всех стран, а не только русские большевики.

„События в России,— писал в одном из писем Ленин,— вполне подтвердили нашу позицию, которую пу-

рачки социал-патриоты (от Алексинского до Чхеидзе) окрестили пораженчеством".

Ленин различал „пораженчество" разных видов. „Бундовцы, например,— указывал Владимир Ильич,— большей частью германофилы и рады поражению России. Но чем же они лучше Плеханова? Оба оппортунисты, социал-шовинисты, только разных цветов".

Ленинский лозунг пораженчества был прямым продолжением и развитием мыслей Маркса по вопросу о соотношении войны и революции. Пораженчество отнюдь не было выдумкой „злокозненных" большевиков и плодом их „досужей и необузданной фантазии", как это казалось социал-шовинистам. Лозунг пораженчества, выдвинутый большевиками в 1914 году, не был в сущности новшеством. Не только Маркс и Ленин, но и такие революционные демократы, например, как Н. Г. Чернышевский, были пораженцами *).

О характере ближайшей революции. О союзниках пролетариата.

В этой связи, в связи с лозунгом гражданской войны и пораженчества, большевики выдвигали решающую проблему вооруженной борьбы пролетариата против господствующих классов, проблему движущих сил революции. Ка-

*) Чернышевский писал в своем недавно напечатанном дневнике, о существовании которого не было известно никому, в том числе, конечно, и Владимиру Ильичу:

„Все наши реформы, как произведенные, так и предстоящие — мишура, о которой не стоит говорить. Если бы союзники взяли Кронштадт... нет, Кронштадт мало... если бы союзники взяли Кронштадт и Петербург... Нет, и этого мало... если бы они взяли Кронштадт, Петербург и Москву, ну, тогда, пожалуй, у нас были бы произведены реформы, о которых стоило бы поговорить".

кая революция на очереди? Буржуазно-демократическая или социалистическая?

Оценка характера ближайшей революции была дана Лениным в статье „Несколько тезисов“ (в октябре 1915 года) и в дополнительной к ней статье „О двух линиях в революции“.

„Социальным содержанием ближайшей революции в России может быть только революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства,“ — указывал Ленин в одном из тезисов. Значит ли это, что Ленин считал предстоящую революцию только буржуазно-демократической в таком духе, в каком его слова были истолкованы Каменевым и другими оппортунистами в период Октябрьской революции в 1917 году? Нет, не значит. „Задачи пролетариата России,— писал Ленин,— довести до конца буржуазно-демократическую революцию в России, дабы (подчеркнуто Лениным) разжечь социалистическую революцию в Европе. Эта вторая задача теперь чрезвычайно приблизилась к первой, но она остается все же особой и второй задачей, ибо речь идет о разных классах, сотрудничающих с пролетариатом России: для первой задачи сотрудник — мелкобуржуазное крестьянство в России, для второй — пролетариат других стран“.

Ленин здесь отмежевывается от Троцкого, от его „перепрыгивания“ через фазу буржуазно демократической революции, от его ошибочной расстановки классовых сил в демократической революции. Что Ленин только в этом смысле говорит о „первой задаче“, о буржуазно - демократической революции, что он не

собирался ограничивать революции буржуазными рамками, ясно из всей полемики Ленина с меньшевиками и, в частности, с „левыми“ меньшевиками — троцкистами. Еще в 1905 году в „Двух тактиках“ Ленин писал:

„У революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства есть, как и у всего на свете, прошлое и будущее. Ее прошлое — самодержавие, крепостничество, монархия, привилегия... Ее будущее — борьба против частной собственности, борьба наемного рабочего с хозяином, борьба за социализм“.

Еще яснее Ленин говорит о „второй задаче“, о социалистической революции, в статье „О двух линиях революции“:

„...Освобождением буржуазной России от царизма, от земельной власти помещиков пролетариат воспользуется немедленно не для помощи зажиточным крестьянам в их борьбе с сельским рабочим, а для совершения социалистической революции в союзе с пролетариями Европы“.

И, наконец, наиболее четко эта же мысль о том, что социалистическая революция благодаря войне „чрезвычайно приблизилась“, выражена в статье Ленина „Поражение России и революционный кризис“ (статья была напечатана впервые в „Правде“ 7 ноября 1928 года).

„Империалистская война, — пишет в этой статье Ленин, — с в я з а л а революционный кризис в России, кризис на почве буржуазно-демократической революции в России, с растущим кризисом пролетарской, социалистической революции на Западе. Эта связь настолько непосредственна, что никакое отдельное реше-

ние революционных (задач?) в той или иной стране невозможно; буржуазно-демократическая революция в России теперь уже не только пролог, а неразрывная составная часть социалистической революции на Западе. Довести до конца буржуазную революцию в России, чтобы разжечь пролетарскую революцию на Западе — так ставилась задача пролетариата в 1905 году. В 1915 году вторая половина этой задачи стала настолько насущной, что она на очередь становится с первой".

Стратего-тактический план большевизма в 1905 и 1915 годах. Октябрьские тезисы 1915 года.

Столыпинщина, оформление империализма в России, война — все эти факторы внесли изменения в стратего-тактический план большевизма. В 1905 году русская революция должна была стать „прологом" к социалистической революции на Западе. Вопрос о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую ставился тогда Лениным в этой плоскости. В 1915 году революция в России „уже не только пролог, а неразрывная составная часть социалистической революции на Западе". Поэтому Ленин добавляет в своих тезисах к старым „трем китам" (демократическая республика, восьмичасовой рабочий день и конфискация помещичьих земель) новые лозунги — против шовинизма и за социализм. Поэтому Ленин поиному, нежели в 1905 году, ставит вопрос об участии в будущем революционном правительстве, заявляя, что большевики откажутся войти в состав временного правительства, „если бы победили революционеры-шовинисты". „Наш лозунг, — указывает Ленин, — против

шовинистов, хотя бы революционеров и республиканцев, против них и за союз международного пролетариата для социалистической революции".

Смысл этих изменений стратего-тактического плана большевизма ясен: война выдвинула со всей остротой задачу борьбы не только против царизма за буржуазно-демократическую революцию, но и против революционеров-шовинистов — за социалистическую революцию.

В октябрьских тезисах 1915 года содержатся таким образом основные идеи позднейших апрельских тезисов 1917 года, с тем, однако, отличием, что в 1915 году, когда царизм еще не был свержен, Ленин особенно сильно подчеркивал необходимость итти с крестьянством в целом и вопрос о переходе от демократической революции к социалистической ставил как вопрос о переходе от союза с русским крестьянством к союзу с пролетариатом Запада. Это не значит, что Ленин считал социалистическую революцию в России при иных условиях невозможной, что он не видел внутренних сил в России для социалистической революции. В ленинских тезисах 1915 года уже намечена подготовка к новой расстановке сил на другой день после падения царизма, к перестройке стратего-тактического плана в соответствии с новыми задачами революции. Ленин нигде не указывает, что пролетариат Запада — единственный возможный союзник русского рабочего класса в борьбе с империализмом. Он говорит только, что это наиболее надежный союзник.

Уже после „первого этапа первой революции" — после февральских дней — Ленин писал:

„...Каковы союзники пролетариата в данной революции? У него два союзника: во-первых, широкая, много десятков миллионов насчитывающая, громадное большинство населения составляющая масса пролетарского и частью мелкокрестьянского населения в России. Этой массе необходим мир, хлеб, свобода, земля... во-вторых, союзник русского пролетариата есть пролетариат всех воюющих и всех вообще стран. Он в значительной степени придавлен войной сейчас, и от имени его слишком часто говорят перешедшие и в Европе, как Плеханов, Гвоздев, Потресов в России, на сторону буржуазии социал-шовинисты. Но освобождение пролетариата из-под их влияния шло вперед с каждым месяцем империалистской войны, а русская революция неизбежно ускорит этот процесс в громадных размерах".

Мы видим, что Ленин не считает социалистическую революцию на Западе необходимым условием для перехода в России от демократической революции к социалистической. Если в тезисах 1915 года вопрос о перерастании революции был поставлен Лениным как вопрос о связи с пролетариатом Запада, то для того, чтобы сосредоточить внимание партии и всего рабочего класса на основной задаче — на необходимости примером России увлечь за собой на борьбу с империализмом пролетариат Запада.

Но Ленин, как мы видели по его полемике с Троцким о лозунге Соединенных Штатов, считал возможной победу социализма в одной, отдельно взятой, стране и считал Россию „созревшей" не только для демократи-

ческой революции, не только для борьбы с царизмом, но и для решающего удара по империализму и республиканцам-шовинистам, во имя социалистической революции.

VI. У истоков Коминтерна.

Крах II Интернационала.

Ленинская характеристика империализма и ленинская оценка социал-шовинизма настоятельно диктовали партии необходимость разрыва со старым, сошедшим со сцены, насквозь прогнившим Интернационалом и тем самым выдвигали как первоочередную задачу необходимость создания нового пролетарского боевого Интернационала. Впервые Ленин ставит перед партией эту задачу уже в „тезисах по поводу настоящей войны", т.-е. буквально через несколько дней после начала военных действий. Правда, в этих тезисах формулировка еще недостаточно четка. „Измена социализму большинства вождей II Интернационала" характеризуется в них только как „частичный идейный крах этого Интернационала". Но так или иначе слово „крах" было произнесено, и тут же названы были и виновники краха — оппортунисты, которые „давно подготовляли крах II Интернационала, отрицая социалистическую революцию и подменяя ее буржуазным реформизмом".

Значительно яснее и резче эта мысль подчеркута в написанном Лениным Манифесте ЦК партии, где о „частичном идейном крахе" уже речи нет и где в решительной форме дается отпор не только оппортунистам, но и „центристам", „которые пытаются замалчи-

вать или прикрывать дипломатическими фразами крах II Интернационала".

„Крах II Интернационала,— читаем мы в Манифесте ЦК,— есть крах оппортунизма, который выращивался на почве особенностей миновавшей (так называемой „мирной") исторической эпохи и получил в последние годы фактическое господство в Интернационале".

Владея как никто другой методом Маркса, Ленин превосходно понимал, что крах II Интернационала не вызван „ошибками" отдельных вождей руководящих партий этого Интернационала и что их предательство, которое надо было, конечно, всячески заклеймить,— не было „случайным" эпизодом, мимо которого можно было пройти в надежде на то, что после войны вожди образумятся или что в крайнем случае некоторых из них удастся устранить от руководства и тем самым спасти положение. „Современные события,— писал Ильич,— показали как раз, что, с одной стороны, назрели объективные условия империалистической (т. е. соответствующей высшей, последней стадии капитализма) войны, а, с другой стороны, десятилетия так называемой мирной эпохи накопили во всех странах Европы массу мелкобуржуазного, оппортунистического навоза внутри социалистических партий".

Поэтому Ленин искал выхода из тупика не на путях реформирования старого Интернационала, а на путях его окончательной ликвидации и организации на его место нового пролетарского Интернационала. Нельзя было объяснить крах II Интернационала только грехами и преступлениями господ Вандервельде, Гедов, Шейде-

манов и Плехановых. „Личные переметывания,— говорил Ленин,— при этом неизбежны, но надо помнить, что значение их определяется существованием слоя и течения мелкобуржуазных оппортунистов".

Исходя из этого анализа причин краха II Интернационала, Ленин делает вывод о невозможности воссоздать Интернационал на старой основе. Отсюда Ленин логически приходит к мысли о создании III Интернационала.

Идея III Интернационала.

„Пролетарский Интернационал не погиб и не погибнет,— говорится в Манифесте ЦК.— Рабочие массы через все препятствия создадут новый Интернационал".

В статье „Положение и задачи социалистического Интернационала" Ленин дает четкий лозунг:

„II Интернационал умер, побежденный оппортунизмом. Долой оппортунизм и да здравствует очищенный от оппортунизма III Интернационал!"

„III Интернационалу,— поясняет Ленин,— предстоит задача организации сил пролетариата для революционного натиска на капиталистические правительства, для гражданской войны против буржуазии всех стран за политическую власть, за победу социализма".

Выход большевизма на мировую арену.

Борьба за такой Интернационал, как против оппортунизма, так и против примиренческого к нему отношения со стороны центристов всякого рода, с одной стороны, и против уклонистов внутри партии, с другой,— наполняет своим содержанием годы войны, годы выхода большевизма на широкую мировую арену.

Большевики выступали перед международным пролетариатом с изложением своих взглядов еще до Циммервальдской конференции, выступали не только печатно (брошюра Ленина и Зиновьева „Война и социализм“ была переведена на французский, немецкий и норвежский языки), но и устно. Представителю ЦК т. Шляпникову удалось на съезде шведской социал-демократической партии, в конце 1914 года, произнести большую программную речь, в которой он изложил позицию большевиков по вопросу о войне и охарактеризовал предательскую роль социал-шовинистов. Второе выступление в этом же роде состоялось на Лондонской конференции социалистов союзных стран в феврале 1915 г. Правда, Литвинову, представителю нашей партии, не удалось огласить там полностью декларацию и заявить, по каким мотивам большевики отказываются от участия в конференции, но цель все же была достигнута: об уходе Литвинова писал орган рабочей партии, и многие рабочие узнали таким образом о непримиримой и до конца революционной позиции большевиков.

Женская и юношеская международные конференции в Берне.

Весьма значительную роль в сплочении интернационалистских элементов в период, предшествовавший созыву Циммервальдской конференции, сыграли два международных совещания — женская конференция в Берне в конце апреля 1915 года и состоявшаяся опять таки в Берне неделей позже юношеская конференция. Хотя на обеих этих конференциях большевикам и не удалось занять руководящее положение, но они имели возможность ши-

роко развернуть там свою платформу и дать на международной арене бой господствовавшим в официальных социал-демократических партиях взглядам.

Циммервальд.

Однако же сплотить организационно и идейно левое крыло международного социализма под руководством большевиков удалось только позднее — на Циммервальдской и Кинтальской конференциях.

На Циммервальдской конференции, созванной в сентябре 1915 года в Швейцарии, недалеко от Берна, по почину итальянской социалистической партии, собирались не только последовательно-революционные социалисты, оставшиеся в период войны на позициях классовой борьбы, но и колеблющиеся центристы (левые каутскианцы). Последние, т.-е. центристы, составили на конференции довольно большую, хотя и разнородную группу, от Аксельрода („правого центра") до Троцкого („левого центра") включительно.

„Циммервальдская левая"— зародыш Коминтерна.

Но в то же время вокруг Ленина, на основе революционной позиции большевизма, собралась группа, составившая так называемую „циммервальдскую левую фракцию", куда входили кроме представителей ЦК партии, Ленина и Зиновьева, представитель латышской партии (Берзин), польской с.-д. оппозиции (Радек), делегаты Швеции и Норвегии (Хеглунд и Норман), „интернационалисты" Германии (Борхардт) и представитель швейцарской социал-демократии П(латтен*).

*) От Карла Либкнехта получилось во время Циммервальдской конференции письмо, которое заканчивалось словами: „Не гра-

„Сплочение указанной группы,— указывал Ленин, подводя итоги Циммервальдской конференции,— один из самых важных фактов и один из самых больших успехов конференции". „Циммервальдской левой" приходилось вести борьбу на два фронта — с правым и „левым" центризмом.

Ленин требовал от делегатов утверждения плана борьбы за социализм:

„Эта борьба,— говорит резолюция, выработанная большевиками,— требует отклонения военных кредитов; выхода из министерств; разоблачения с парламентской трибуны в легальной и, если необходимо, в нелегальной печати капиталистического антисоциалистического характера теперешней войны, самой резкой борьбы с социал-патриотизмом; использования каждого вызванного последствиями войны (нуждой, большими потерями и пр.) народного движения для организации антиправительственных демонстраций; пропагандирования интернациональной солидарности в траншеях; содействия экономическим стачкам и превращения их при благоприятных обстоятельствах в политические".

жданский мир, но гражданская война — вот наш пароль". Либкнехт был, конечно, сторонником „циммервальдской левой".

Впрочем, сама „циммервальдская левая" была не вполне однородна. Большевики-ленинцы расходились по ряду вопросов с немецкими революционными социал-демократами из группы „Интернационала", с группой польских социал-демократов, с некоторыми голландскими социалистами и т. д.; внутри партии большевиков шла, в свою очередь, идейная борьба между ленинцами и уклонистами справа и „слева". Об этих несогласиях мы говорим в особой главе.

План, предложенный большевиками, требовал ясного признания лозунга гражданской войны и отказа от попытки воссоздания II Интернационала. Но „центристы“ боялись итти так далеко и решительно отвергли внесенные „циммервальдской левой“ предложения.

Циммервальдский манифест. Вместо этих предложений ими был составлен умеренно-интернационалистский манифест, обращающийся к „пролетариям Европы“, который и был принят конференцией.

„Капиталисты всех стран,— говорится в манифесте,— которые из пролитой народной крови чеканят червонное золото барыша, утверждают, что война служит защите отечества, демократии, освобождению угнетенных народов. Они лгут. На самом деле они погребают на полях опустошений свободу собственного народа вместе с независимостью других наций“.

Манифест утверждает, что социалистические партии, участвовавшие в выработке постановлений Штутгартского, Копенгагенского и Базельского международных конгрессов, „попрали, однако, с начала войны ложившиеся на них обязательства“. „Подобно отдельным партиям, несостоятельным оказалось также и признанное представительство социалистов всех стран: Международное Социалистическое Бюро“.

Манифест заканчивается призывом вести борьбу за мир „без аннексий и контрибуций“.

„Рабочие и работницы! Матери и отцы! Вдовы и сироты! Раненые и искалеченные! Ко всем вам, кто страдает от войны и через войну, ко всем вам мы

взываем. Через границы, через дымящиеся поля битв, через разрушенные города и деревни.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!"

Таков манифест Циммервальдской конференции *).

„Левая фракция" не считала его удовлетворительным, потому что в нем, по вине каутскианского большинства, отсутствуют такие существенные пункты, как решительное осуждение социал шовинизма и признание полного краха II Интернационала.

В манифесте умалчивается о том, что осуществить „мир без аннексий и контрибуций" можно будет лишь при победе социалистической революции. Впоследствии, в офи-

---

*) На конференции были представлены три проекта воззвания: „циммервальдской левой", правого центра (правой части немецкой оппозиции) и „Нашего слова" (Троцкого). Позицию „циммервальдской левой" мы охарактеризовали достаточно. Право-центристы (немцы) выдвигали на первый план вопрос об условиях будущего мира, не упоминая ни единым словом о роли официальных социал-демократических партий и о необходимости революционной борьбы за мир. Проект Троцкого мало чем отличался по существу от проекта немцев. Он ставил в центре лозунг борьбы за мир. Большевистская постановка вопроса отвергалась, как известно, Троцким.

Все три проекта были переданы как материал в комиссию, которая поручила окончательную выработку текста манифеста „центристам" Гримму и Троцкому. Их проект и был затем утвержден конференцией.

Поправка большевиков, содержавшая характеристику позиции Каутского, была отвергнута конференцией. Этой же участи подверглась тактическая резолюция, в которой осуждались все формы „гражданского мира".

циальном отчете конференции, „центристы“ объясняли отклонение резолюции „циммервальдской левой“ нежеланием „давать повод думать, что конференция желает привести к расколу и основать новый Интернационал“. Тут поставлена точка над і. Тем не менее Ленин и другие сторонники „циммервальдской левой“ считали возможным подписать манифест конференции, при чем внесли на конференции особое заявление, где оговорили свое отношение к этому документу: „Мы голосуем за манифест, — поясняла „циммервальдская левая“, — потому что смотрим на него, как на призыв к борьбе, а в этой борьбе мы хотим итти рука об руку с остальными частями Интернационала“.

Большевики шли на этот компромисс, потому что им удалось провести в манифесте, как писал Ленин, „ряд основных мыслей революционного марксизма“ и в то же время не скрыть „ни иоты из своих взглядов, лозунгов, тактики“.

Подписывая манифест, „циммервальдская левая“ сохраняла, однако, „полную свободу и полную возможность критиковать непоследовательность и добиваться большего“.

Одним из важнейших итогов конференции было то, что „левая фракция“ продолжала существовать и после конференции, выделив „Бюро циммервальдской левой“ под руководством Ленина. Бюро было зародышем нового Интернационала. Оно выпускало журнал „Предвестник“ (на немецком языке — вышло 3 номера) и постепенно сплачивало вокруг себя все подлинно левые оппозиционные группировки социал-демократии. Рост

„циммервальдской левой“ был очевиден для всех. В связи с этим ростом и под давлением большевиков центристское большинство, одержавшее победу на конференции, делает шаг влево.

Расширенное совещание Интернациональной социалистической комиссии в феврале 1916 года и вторая Циммервальдская (Кинтальская) конференция, созванная в горной швейцарской деревушке Кинталь в апреле 1916 года, показали значительный сдвиг в направлении „циммервальдской левой“.

Так, в обращении к циммервальдским организациям, принятом на совещании Интернациональной социалистической комиссии (исполнительный орган конференции), обращают на себя внимание пункты о голосовании против кредитов „независимо от стратегического положения“ и об осуждении „всякого добровольного участия рабочих в учреждениях национальной обороны“.

Указанные пункты были внесены большевиками в виде поправок к основному проекту обращения и приняты совещанием; первая поправка была направлена против немецких центристов—Ледебура и других, вторая — против русских „гвоздевцев“, соучастников военно-промышленных комитетов.

Как, однако, ни полевели циммервальдисты, они в своем большинстве все же не пришли вплотную к позициям „левой фракции“ и продолжали оставаться колеблющимися интернационалистами —центристами. „Циммервальдская левая“, хотя и выросла за 22 месяца войны на 50%, была попрежнему меньшинством.

Вторая Циммервальдская конференция. Кинталь. Сдвиг влево.

В центре внимания Кинтальской конференции стоял вопрос об отношении к Международному социалистическому бюро II Интернационала. С ним или против него? Центристы (Аксельрод, Ледебур) высказывались против создания нового III Интернационала и за международное единство с социал-патриотами. Большевики же настаивали на полном отказе не только от сотрудничества с Гюнсмансом и К-о (Гюнсманс был секретарем МСБ),— за эту формулировку высказывались и левые центристы,— но и от какого бы то ни было сотрудничества со II Интернационалом. Большевики предлагали приступить к созданию III Интернационала.

На конференции голоса по вопросу об отношении к Международному социалистическому Бюро разделились, и в резолюции, резко критиковавшей деятельность Бюро, вопрос о созыве МСБ остался открытым: если левые не могли похвастать победой, то и последовательные каутскианцы, в свою очередь, имели основание быть недовольными таким решением конференции.

Еще более резкий сдвиг влево обозначился в резолюции конференции об отношении к вопросам мира и в манифесте „К разоряемым и умерщвляемым народам".

Проект резолюции, предложенный левыми, был отклонен, но „циммервальдская левая" могла с удовлетворением констатировать, что утвержденный конференцией проект Гримма направлен не только против сторонников „защиты отечества", но в значительной

мере и против каутскиантства, против социал-паци-физма.

„На почве капиталистического общества,—гласит решение конференции,—невозможно установить прочного мира; условия, необходимые для его осуществления, создает социализм. Устранив капиталистическую частную собственность и тем самым эксплоатацию народных масс имущими классами и национальный гнет, социализм устранит и причины войн. Поэтому борьба за прочный мир может заключаться лишь в борьбе за осуществление социализма“.

Конференция, таким образом, подвинулась вперед в направлении к позиции „циммервальдской левой“, но она все же не отбросила окончательно центристских иллюзий и не приняла ни одного из основных лозунгов большевизма — о превращении империалистической войны в гражданскую, пораженчестве и создании III Интернационала.

Сдвиг вправо. Крах Циммервальда.

Более того. После конференции большинство испугалось собственных резолюций и быстро начало праветь. Надежда на то, что циммервальдский блок, при всех колебаниях, рано или поздно выберется на единственно верную дорогу, намеченную в позиции „левой фракции“,—эта надежда не оправдалась.

„Циммервальдская правая, по моему, идейно похоронила Циммервальд,—к этому выводу Ленин окончательно пришел накануне февральской революции,— Бурдерон и Мергейм в Париже голосовали за паци-

физм, Каутский тоже 7/I 1917 г. в Берлине, Турати, (17/XII 1916 г.!!) и вся итальянская партия тоже. Это — смерть Циммервальда!! На словах осудили „социал-пацифизм“ (см. кинтальскую резолюцию), а на деле повернули к нему!!“

Циммервальд умер, но „циммервальдская левая“ как зародыш Коминтерна продолжала жить. Новый пролетарский Интернационал родится „в грозе и буре массового движенья“, писали большевики после Кинтальской конференции. Эта эпоха „грозы и бури“ была уже не за горами *).

VII. Против уклонистов. Ошибки Бухарина.

Борьбу за ленинский стратего-тактический план приходилось вести, конечно, и внутри партии — с правыми, примиренцами, ультра-левыми, словом, со всякого рода уклонистами.

*) На апрельской конференции 1917 года Ленин предлагал немедленно порвать с „циммервальдским болотом“ и остаться в Циммервальде лишь с „информационной целью“. Конференция, однако, не согласилась с Лениным и приняла предложение Зиновьева — „остаться в циммервальдском блоке“ и принять участие в новой международной конференции циммервальдистов. Конференция (третья по счету) должна была состояться в мае 1917 года, но была отложена на осень. Отсрочка созыва Циммервальдской конференции была связана с отсрочкой Международной Стокгольмской конференции, которую собирали скандинавские социал-шовинисты Трульстра, Брантинг и другие. Гримм, председатель циммервальдского объединения, вступил в контакт с секретарем МСБ Гюнсмансом для совместного участия в Стокгольмской конференции.

Правое крыло. В ноябре 1914 года царское правительство арестовало, судило и сослало в Сибирь большевиков-депутатов Государственной думы, обвинив их в „государственной измене“. Каменев, привлеченный к суду вместе с депутатами, развернул на следствии и на суде платформу, которая отражает правоуклонистские взгляды Каменева в тот период и которая в известной мере предвосхитила его антипартийную позицию в 1917 году и дальнейшие ошибки. Каменев возглавлял правое крыло в партии. На следствии Каменев прямо заявил о своем несогласии с позицией ЦК партии, говорил, что „содержание приобщенных к делу документов, в которых излагается отношение Российской социал-демократической рабочей партии к военным событиям, решительно проти-

---

„Теперь особенно ясна ошибка, что мы не вышли из него (Циммервальда)...— писал Ленин по поводу этих махинаций, — Циммервальд „ждет“ Стокгольма... и мы участвуем в комедии... Это позор, надо уйти из Циммервальда тотчас“.

Стокгольмская „комедия“, как и следовало ожидать, провалилась с треском. Что касается третьей Циммервальдской конференции, то она действительно собралась в Стокгольме осенью 1917 г.; от ЦК большевиков на ней присутствовали т.т. Воровский и Семашко; но конференция никакого серьезного значения, как предвидел Ленин, не имела. Столбовая дорога по направлению к III Интернационалу уже лежала мимо Циммервальда и Кинталя. „Циммервальдское объединение уже изжило себя. Все, что было в циммервальдском объединении действительно революционного, переходит и примыкает к Коммунистическому Интернационалу“,— этими словами бывшие циммервальдисты в марте 1919 г. на I конгрессе Коминтерна вбивали осиновый кол в могилу „циммервальдской правой“.

воречит его взгляду на текущую войну“ (речь идет о ленинских тезисах 1914 г.). Каменев был несогласен, главным образом, с лозунгом „поражения“, не понимая, очевидно, того, что поражение вытекает из лозунга превращения империалистической войны в гражданскую и что, отвергая пораженчество, нельзя было последовательно осуществлять основной лозунг гражданской войны.

Ленин заклеймил по заслугам поведение Каменева на суде думской „пятерки“: „Стараться доказать свою солидарность с социал-патриотом г. Иорданским, как делал т. Розенфельд (Каменев.—Д. Э.), или свое несогласие с Центральным Комитетом, есть прием неправильный и, с точки зрения революционной демократии, недопустимый“.

Примиренцы и примиренчество.

Не меньшую опасность для партии, чем открыто-правые шатания Каменева, представляли и примиренческие тенденции некоторых большевиков. Примиренцы были весьма сильны в московской организации, где некоторые из них приближались по своим взглядам к левым меньшевикам. В Питере часть примиренцев ушла из партии и работала в так называемой „межрайонке“ (вместе с троцкистами и бывшими большевиками-впередовцами). Примиренцы считали возможным вести совместную работу с фракцией Чхеидзе, т.-е. колеблющимися меньшевиками-центристами, они высказывались за объединение с „левыми“ меньшевиками, в то время, как „левые“ меньшевики отнюдь не собирались рвать со своими правыми. Ленин упорно боролся против примиренчества и объ-

единенчества, которое ослабляет партию. „Ибо на деле „объединение“ (или примирение и т. п.) с Чхеидзе и Скобелевым (в них гвоздь, ибо они выдают себя за „интернационалистов“), есть единство с окистами, а через них с Потресовым и К-о, т.-е. на деле лакейство перед социал-шовинистами“... Партия проводила тактику единого фронта, завоевывая лучшие интернационалистские элементы и, главным образом, рабочих меньшевиков, но с примиренчеством эта тактика, конечно, ничего общего не имела; напротив, борьба с меньшевиками всех сортов могла вестись успешно лишь при условии одновременной борьбы и со всеми примиренческими группировками и „внефракционными“ фракциями, при условии одновременной борьбы с оппортунистической правой опасностью и „левыми“ уклонистами.

Ультра-левые. Божийская группа.

К ультра-левым надо отнести в первую очередь представителей Божийской группы, Бухарина и его сторонников (мы оставляем в стороне критику партийной позиции „слева“ со стороны внепартийных группировок — троцкистов и впередовцев).

Божийская группа (эта группа получила свое наименование от швейцарского городка Божи, в котором проживали ультра-левые — Н. Бухарин, Н. Крыленко и Е. Розмирович) выступила со своей платформой впервые на Бернской конференции заграничных секций РСДРП(б). К божийцам присоединились приехавшие в это время за границу, бежавшие из русской ссылки через Японию, Ю. Пятаков и Е. Бош (их называли

„японцами“). Внутри самой Божийской группы, впрочем, не было полного единства: Пятаков был ближе всех к троцкизму. На Бернской конференции Бухарин делал содоклад лишь от своего имени, а не от имени всей группы, так как не был поддержан целиком ни „японцами“, ни божийцами. Об этих разногласиях пишет Е. Бош („Пролетарская революция“, №5, 1925 г.) Вследствие внутренних несогласий и недостаточной оформленности своих взглядов Божийская группа на Бернской конференции оказалась не в силах повлиять на решения конференции и в конце концов сама, под давлением Ленина, единогласно подписалась под ними. Но после переезда группы в Стокгольм разногласия между Бухариным и ЦК отнюдь не прекратились. Напротив, Бухарин пытался сколотить особую автономную группу с самостоятельным уставом, но из этой затеи ничего не вышло. Осенью 1915 года вышел один номер „Коммуниста“, выпущенный совместно божийцами с ЦК, но следующий номер уже не мог увидеть света вследствие обострения разногласий внутри редакции.

Перейдем теперь к существу внутрипартийных споров в годы войны.

Ошибки Бухарина по вопросу о национальных войнах и революциях.

Мы уже мельком упомянули, что группа Бухарина — Пятакова, выступая с неправильной характеристикой империализма, приходила к неверному выводу о невозможности в эпоху империализма национальных войн и национально-буржуазных революций. Ультра-левые недоумевали, как можно сочетать отрицание лозунга „защиты

отечества“ с признанием права наций на самоопределение. Ошибка Бухарина, как и группы „Интернационал“, как и группы польских социал-демократов, заключалась в том, что они изображали нашу эпоху, как эпоху сплошного империализма, следуя в этом вопросе целиком за Троцким и вместе с ним недоучитывая значения закона неравномерности развития капитализма. Троцкий, как известно, утверждал, что „империализм противопоставляет не буржуазную нацию старому режиму, а пролетариат — буржуазной нации“, и отрицал на этом основании возможность в нашу эпоху иной революции, кроме социалистической.

Ультра-левые в согласии с Троцким утверждали, что лозунг самоопределения затрудняет борьбу за социализм, что лозунг самоопределения при капитализме неосуществим, а при социализме ненужен.

Ленин указывал, что теоретически самоопределение наций при капитализме вовсе не невозможно, и ссылался на пример отделения Норвегии от Швеции в 1905 году. Война могла привести (и, как известно, действительно привела) к образованию на развалинах старых империй ряда самостоятельных государств — Польши, Чехо-Словакии, прибалтийских лимитрофов и т. д. без обязательного подрыва в этих государствах господства финансового капитала.

„Господство финансового капитала,— писал Ленин,— как и капитала вообще, неустранимо никакими преобразованиями в области политической демократии, а самоопределение всецело и исключительно относится к этой области“.

Исходя из неверной характеристики эпохи „сплошного империализма“, „левые“ отрицали прогрессивно-национальные войны и национально-освободительные движения, давали недиалектическую трактовку соотношения „империализм и демократия“, неверно, не по-ленински оценивали роль такого важного фактора, как государство, преждевременно отбрасывали программу-минимум партии и вслед за теоретическими ошибками совершали вытекающие из них весьма серьезные политические ошибки, отрицая или „подправляя“ лево-оппортунистической „словесностью“ важнейшие определяющие лозунги большевизма — лозунги гражданской войны и пораженчества.

Ленин о лозунге „защиты отечества“.

Ленин давал „левым“ столь же решительный отпор, как и правым и примиренцам, считая, что их ошибки мешают бить „непосредственного врага рабочих внутри рабочих партий: оппортунистов“.

Ленин указывал, что в эпоху империализма вовсе не снимается при всех условиях лозунг защиты отечества. „Защита отечества,— писал Ленин,— со стороны национально угнетенной страны против национально угнетающей не есть обман, и социалисты *вовсе не против* „защиты отечества“ в такой войне“.

Ленин заклеймил „неприличное педантство и неумное доктринерство“ Радека, который охарактеризовал ирландское восстание 1916 г. как простой „путш“: „думать, что *мыслима* социальная революция без восстаний маленьких наций в колониях и в Европе, без революционных взрывов части мелкой буржуазии со

всеми ее предрассудками, без движения несознательных пролетарских и полупролетарских масс против помещичьего, церковного, монархического, национального и т. п. гнета,— думать так значит отрекаться от социальной революции".

Левые чересчур упрощенно, не диалектически представляли себе процесс социалистической революции. Пятаков, например, писал, что он мыслит себе этот процесс „как объединенное действие пролетариев всех стран, разрушающих границы буржуазного государства, сносящих пограничные столбы, взрывающих национальную общность и устанавливающих общность классовую".

Насколько это представление далеко от ленинского, видно из следующих слов Ленина:

„Кто ждет чистой социальной революции, тот никогда ее не дождется. Тот революционер на словах, не понимающий действительной революции".

Из представления левых о сплошном империализме вытекало естественно представление о сплошной или „чистой" социалистической революции.

Бухарин о демократии и государстве. Нужна ли программа-минимум в эпоху империализма?

Это же отвлеченное представление характеризует и отношение левых к вопросам о демократии и государстве. Бухарин и Пятаков полагали, что финансовый капитал уничтожает значение политической демократии, что в эпоху монополистического капитализма осуществление демократии невозможно, что она становится в эту эпоху реакционной утопией. Это было ошибочной абстракцией

(отвлеченностью). На самом деле,— пояснял Ленин,— „господство финансового капитала нисколько не уничтожает значения политической демократии, как более свободной, широкой и ясной формы классового гнета и классовой борьбы“.

Столь же ошибочным было представление Бухарина о соотношении взрыва и отмирания государства вообще в эпоху империализма и социалистической революции.

Бухарин подчеркивал необходимость разрушения буржуазного государства, но не отмечал — как указывал Ленин — нашей „принципиальной враждебности к государству“, отличной от враждебности к государству анархистов. Бухарин, напротив, смешивал воедино оба принципиально противоположных вида враждебности и не отделял анархистов, желающих „отменить“ государство, от социалистов, которые „стоят за использование современного государства и его учреждений в борьбе за освобождение рабочего класса, а равно за необходимость использовать государство для своеобразной переходной формы от капитализма к социализму“.

С этой полуанархической оценкой роли государства в переходный период было связано и отрицание Бухариным и другими „левыми“ программы-минимум.

Бухарин выдвигал свои ошибочные тезисы, критикуя реформистские оппортунистические взгляды Каутского по вопросам о демократии и государстве. Но „ошибки Бухарина,— писал Ленин,— могут погубить это „правое дело“ в борьбе с каутскианством“, могут ослабить по-

зицию большевизма, тем более, что, отклоняясь от идей подлинно-революционного марксизма, ультра-левые сами становились „жертвой“ полукаутскианских влияний и тенденций.

Тактические ошибки Бухарина.

Ошибка ультра-левых в оценке тактики партии свидетельствует об этом наглядно. В сущности, критика тактических лозунгов партии со стороны левых немногим отличалась от критики этих же лозунгов справа. Так, например, соглашаясь с лозунгом гражданской войны, левые в то же время считали нужным „дополнить“ его лозунгом мира, т. е. полукаутскианским лозунгом, и с этим предложением выступали на Бернской конференции*). Они возражали против такого толкования лозунга гражданской войны, которое бы „сводило все его содержание к простому требованию замены господствующей политики „национальных блоков“ — политикой „классовой борьбы вообще“. Левые подчеркивали, что „в революционную эпоху и классовая борьба должна принимать революционные формы“ и грозили протестом при попытке „иначе истолковать этот лозунг“. Пытаясь „углубить“ лозунг гражданской войны, группа Бухарина одновременно „разжижала“ его лозунгом мира и продолжала отстаивать лозунг Соединенных Штатов Европы уже после того, как для Ленина окончательно выяснилась ошибочность этого лозунга.

---

*) На этой же точке зрения стояла большевистская секция в Монпелье (Франция), выдвигая на первый план лозунг „демократического мира“ и полупацифистский лозунг — „долой войну“.

Кроме того, Божийская группа не была согласна лозунгом пораженчества, объединяясь по этому пункту с правыми, в роде Каменева, и подобно им категорически отвергала „какое-либо выставление в качестве лозунга для России так называемого поражения России“. Группа Бухарина впадала, подобно некоторым скандинавским уклонистам, в ошибку и по вопросу о разоружении, о чем мы уже имели случай говорить.

Позиция Бухарина — Каменева по вопросу о поражении находила в России немало сторонников. „Тезисы Ленина,— вспоминает тов. Шляпников,— отвечали настроению и мышлению тогдашних партийных работников, но вопрос о „поражении“ вызывал недоумение. Товарищи не хотели свою тактику связывать со стратегическим положением армии“. Несмотря на возражения, Ленин продолжал настойчиво разъяснять значение лозунга пораженчества и добился того, что он был, наконец, усвоен большинством организаций и стал неотъемлемым элементом партийной тактики на местах.

Бюро ЦК в России во всех этих спорах, в частности, с божийцами, отстаивало позицию Ленина.

VIII. Борьба за массы.

Единство заграничного центра с русским Бюро ЦК и местными организациями в России было одним из важнейших условий укрепления единства всей партии и обеспечения руководства революционным пролетариатом в эту сложнейшую переходную эпоху, одним из условий успешной работы партии среди рабочих масс.

Большевики в первые дни войны.

Но в обстановке затяжной войны связь между Лениным и партийными организациями в России оставляла желать лучшего. Вначале эта связь даже вовсе отсутствовала. Тем не менее только отдельные большевики, оглушенные массовым „патриотическим угаром“, изменой вождей социализма и ренегатством таких „ортодоксов марксизма“, как Плеханов, сами изменили большевизму, скатившись к безусловному или условному оборончеству. Из этого, конечно, не следует, что местные большевики еще до получения ленинских тезисов сразу же заняли полностью ленинскую позицию по вопросам войны. Основные лозунги периода войны — превращение империалистической войны в гражданскую, пораженчество, признание краха II Интернационала — впервые были даны, как уже указывалось нами, в ленинских тезисах. В местных прокламациях содержались только такие лозунги, как „долой войну“ и „война войне“; в них звучали иногда и фальшивые ноты. Но большевики были все же единственной партией, которая с первой же минуты войны, в атмосфере шовинизма и чрезвычайных репрессий со стороны царского правительства, активно и громогласно выступила с протестом против кровавой бойни, затеянной империалистами в своих интересах. Поэтому нельзя согласиться с Шляпниковым, который утверждает, что события „застали врасплох“ „организованных рабочих“, т. е. рабочих-партийцев. В партии была, правда, некоторая разноголосица,— сам Шляпников в первые дни войны растерялся и занимал короткое время ко-

леблющуюся полуоборонческую позицию, — но большевики, за редкими исключениями, остались на позициях революционного марксизма и вели активную антимилитаристскую пропаганду.

Об этом свидетельствуют прокламации отдельных организаций, выпущенные после объявления войны.

„Русское правительство, держащее собственный многомиллионный народ в рабстве и невежестве, не может считаться освободителем славянства“,—говорилось в прокламации Выборгского районного комитета партии. В начале сентября 1914 года, т.-е. еще до тезисов Ленина, Петербургский комитет партии призывал рабочих „запасаться оружием“, чтобы положить конец братоубийственной войне и свергнуть самодержавие.

Вторичная организация осенью 1916 года (после первой неудачи) Бюро Центрального Комитета, куда вошли В. Молотов, А. Шляпников и П. Залуцкий, еще больше способствовала идейному сплочению партии, несмотря на противодействие со стороны некоторых членов Петербургского комитета (в том числе Черномазова, оказавшегося впоследствии провокатором).

Попытка охранки разгромить большевистские организации.

Работа чрезвычайно осложнялась как в Питере, так и в провинции, беспрерывными провалами. В одном лишь Петербурге в течение 1916 г. было восемь массовых разгромов организации. Но охранке не удавалось все же совершенно прекратить деятельность партийных центров даже на время: после очередной „ликвидации“ они немедленно возникали вновь.

„Среди большевиков, — отмечала охранка, — особенно сильно разбитых ликвидацией, снова образовался руководящий коллектив, именующийся „Петербургским комитетом РСДРП“, и при усилиях последнего, несмотря на ряд последовавших частичных ликвидаций, работа большевиков все продолжала расти и шириться. Следствием напряженной работы Петербургского комитета явилось возрождение районных комитетов и прочная связь с заводами, руководительство стачечным движением, возбудителями же к последнему были — выпуск ряда подпольных листовок и частые массовки на открытом воздухе, чему сильно способствует летний период года“. Эти жалобы регулярно повторяются во всех отчетах охранки.

Питерская организация.

Петербургская организация продолжала жить и развиваться, несмотря на все попытки царского правительства ослабить вконец рабочее движение. Ленин с радостью отмечал жизнеспособность большевистского авангарда: „Ясно, что передовой слой правдистов рабочих, эта опора нашей партии, уцелел, несмотря на страшные опустошения в его рядах“, — писал Ленин при первых же известиях о возобновлении партийной работы в России после объявления войны.

В Москве.

В Москве дела шли хуже, чем в Питере: организация была здесь настолько обессилена, что не смогла за все годы войны создать общемосковского партийного центра. Только в мае 1916 г. организовалось Областное бюро ЦК партии в составе В. Молотова, П. Смидовича и М. Савельева.

В провинции.

В общем картина в провинции была довольно пестрая: партийные организации в центрах металлургической промышленности были значительно сильнее, нежели в районах текстильной промышленности, где мобилизации особенно опустошили правдистские кадры. В эти годы возникают новые, не предусмотренные уставом естественные партийные центры, которые фактически играют роль областных или окружных объединений, как, например, в Иваново-Вознесенске, Саратове, Иркутске и так далее. Петербургский комитет, возглавлявший почти двухтысячную организацию наиболее передовых пролетариев, зачастую выполнял функции Центрального Комитета партии. Достаточно указать на связи Питера с периферией (в конце 1916 года): с Москвой, Екатеринославом, Харьковом, Киевом, Иваново-Вознесенском, Нижним-Новгородом (Сормово), Самарой, Саратовом, Царицыном, Пермью, Екатеринбургом, Ревелем, Нарвой, Тверью, Тулой, Кавказом.

Всемирно-историческое значение суда над думской „пятеркой“.

Большевистские организации, как бы сильно они ни страдали от охранного террора, оказывались в силах успешно соперничать с меньшевиками в борьбе за руководство массами. Об этом свидетельствует ряд удачно проведенных большевиками за период войны массовых кампаний: по вопросу об отклонении военных кредитов, после ареста и ссылки большевиков-депутатов Государственной думы и особенно, в связи с выборами в военно-промышленные комитеты.

Среди руководящих коллективов партии не последнее место занимала так называемая думская „пятерка“, состоявшая из большевиков—депутатов IV Государственной думы: Г. Петровского, Н. Муранова, А. Бадаева, Н. Шагова и Ф. Самойлова (шестой депутат, втесавшийся в большевистскую фракцию, — Малиновский — оказался провокатором и еще до войны по требованию охранного начальства покинул свой „пост“ в Думе, который, впрочем, был им занят опять-таки по соизволению охранки). Одно время эта „пятерка“ была, судя по воспоминаниям Бадаева, „в связи с разгромом партийных организаций на местах, единым организационным центром активных партийных организаций и рабочего движения“.

Состоявшийся в феврале 1915 года суд над большевиками-депутатами и некоторыми другими крупными работниками, захваченными вместе с депутатами в Озерках во время обсуждения ленинских тезисов о войне, закончился суровым приговором: ссылкой в Сибирь на поселение всех обвиненных „по признакам преступления, предусмотренного ст. 102 уголовного уложения“, т. е. в попытке „ниспровержения существующего строя“. Правительство добилось своего и „очистило“ Думу от представительства подлинно-революционного пролетариата. Оно не побоялось нарушить при этом „основные законы“ и лишить депутатской неприкосновенности рабочих избранников, лишь бы достигнуть намеченной цели и обезглавить рабочее движение. На предварительном следствии и на суде не все депутаты держали себя достаточно твердо. Один лишь Муранов совер-

шенно отказался от каких бы то ни было показаний во время следствия, показав образец выдержанно-большевистской стойкости. Прекрасно вели себя на суде тот же Муранов и Петровский. Они не отрицали своей внедумской работы и подчеркивали, что считали ее важнейшей обязанностью рабочих депутатов. Что касается Л. Б. Каменева, привлеченного вместе с депутатами к судебной ответственности, то он занял на суде, как мы уже мельком упомянули в другом месте, противоположную, недостойную большевика позицию, всячески пытаясь выгородить себя, хотя бы ценою отречения от взглядов, изложенных в ленинских тезисах. Несмотря на частичную разноголосицу и неслаженность отдельных выступлений „подсудимых", суд все же имел огромное революционизирующее значение. „Суд развернул невиданную еще в международном социализме картину использования парламентаризма революционной социал-демократией, — так оценивал „всемирно-историческое" значение суда Ленин. — Пример такого использования лучше всяких речей будет апеллировать к уму и сердцу пролетарских масс, убедительнее всяких доводов будет опровергать оппортунистов - легалистов и фразеров анархизма. Отчет о нелегальной работе Муранова и записки Петровского останутся надолго образцом той работы депутатов, которую мы должны были усердно скрывать и в значение которой будут теперь внимательнее и внимательнее вдумываться все сознательные рабочие России. В такое время, когда почти все „социалистические" (извините за поругание этого слова!) депутаты Европы

оказались шовинистами и слугами шовинистов, когда пресловутый „европеизм“, прельщавший наших либералов и ликвидаторов, оказался тупой привычкой к рабской легальности, в России нашлась одна рабочая партия, депутаты которой блистали не краснобайством, не „вхожеством“ в буржуазные интеллигентские салоны, не деловой ловкостью „европейского“ адвоката и парламентария, а связями с рабочими массами, самоотверженной работой в этих массах, выполнением скромных, невидных, тяжелых, неблагодарных, особенно опасных функций нелегального пропагандиста и организатора“.

Вывод, к которому Ленин приходит на основе анализа того, „что показал суд над р.-с.-д.-р.-п. фракцией“*), дышит бодростью класса, уверенного в своей грядущей победе:

„Около 40.000 рабочих покупали „Правду“, много больше читали ее. Пусть даже впятеро и вдесятеро разобьет их война, тюрьма, Сибирь, каторга. Уничтожить этого слоя нельзя. Он жив. Он проникнут революционностью и антишовинизмом“.

Надо, однако, подчеркнуть, что, имея на своей стороне передовой слой рабочих, большевики к этому моменту (конец 1914 и начало 1915 года) еще не добились решающего перевеса над меньшевиками и народниками. Этим объясняется сравнительно слабый отклик широкой рабочей массы на арест и ссылку депутатов-большевиков.

---

*) Под этим заголовком Ленин напечатал обстоятельную статью о процессе над думской „пятеркой“.

Проверка революционности рабочих масс на выборах в военно-промышленные комитеты.

Было бы также заблуждением считать, подобно некоторым авторам (Граве и др.), что при выборах в рабочие группы военно-промышленных комитетов летом и осенью 1915 года „рабочие в подавляющей массе категорически отказывались от выборов представителей". Это — преувеличение. Большевики действительно одержали серьезную победу во время массовой кампании, связанной с участием рабочих в военно-промышленных комитетах. Но из этого не следует, что „подавляющая масса" рабочих „категорически" отказывалась от посылки представителей в комитеты *).

Какова была тактика большевиков во время этой кампании?

Большевики, после недолгих колебаний, решили не бойкотировать кампанию целиком, а использовать выборные собрания для широкой агитации и пропаганды. С этой целью большевики выработали особый наказ с изложением требований рабочего класса, который ими оглашался на рабочих собраниях. Большевистский наказ был принят на крупнейших заводах — Путиловском, Франко-Русском, Парвиайнен, „Новый Лесснер", „Скороход" и др.

Агитация большевиков имела заметный успех.

В конце сентября 1915 года на первом собрании выборщиков в Питере большевистская резолюция собрала 95 голосов, а меньшевистская — только 81. Гво-

*) Об этой кампании мы уже выше кратко говорили, излагая позицию социал-оборонцев — гвоздевцев.

здевцы, таким образом, провалились со своим проектом активной поддержки буржуазной общественности под общим лозунгом „обороны страны“. Но гвоздевцы решили не сдавать своих позиций. Сам Гвоздев не брезгал ничем. В меньшевистской газете „Рабочее утро“ появился его донос о том, что на собрание выборщиков незаконно проникли „посторонние лица“ (речь шла о руководящих роботниках питерской организации — т.т. Богдатьеве и Залежском,— прошедших на собрание по мандатам двух рабочих, уступивших питерской партийной организации свои полномочия). Охранка принимает донос Гвоздева „к сведению и к исполнению“: учащаются обыски и аресты среди большевиков, прежнее выборное собрание аннулируется и назначаются новые выборы. На этот раз большевики решают ограничить свое участие в перевыборах декларацией и демонстративным уходом с собрания. В ноябре того же года, на вторичном собрании выборщиков, большевики оглашают протест против закулисных интриг гвоздевцев и покидают собрание. После ухода большевиков и части народников оборонцы беспрепятственно выбирают „рабочих“ представителей центральной рабочей группы во главе с „самим“ Гвоздевым. „Кучка изменников и ренегатов,— писал Петербургский комитет партии в прокламации, выпущенной через два дня после выборов,— за спиною рабочего класса вступила в темную сделку с буржуазией и продала классовую непримиримость и международную солидарность пролетариата за честь заседать на мягких креслах в военно-промышленных комитетах, под председательством

Гучкова, соратника Столыпина, защитника военно-полевых судов над революционерами в 1906 году".

Такую же Пиррову победу, как в Питере, ликвидаторы-оборонцы одержали и в других городах. Всего было к апрелю 1916 г. 36 „рабочих групп", а к августу того же года — 52 (при наличии 239 военно-пром. комитетов). В Харькове, Саратове, Нижнем Новгороде и Баку рабочие под руководством большевиков отказывались во все от участия в военно-пром. комитетах.

Но и там, где „рабочие группы" существовали, они в сущности не имели глубоких корней среди рабочих. Многие группы даже не выбирались, а просто назначались из числа „подходящих кандидатов", хотя, с другой стороны, следует учесть и то, что малочисленность рабочих групп объясняется не только противодействием со стороны рабочих, но зачастую противодействием и со стороны промышленников и царских властей. Как бы то ни было, но даже охранка вынуждена была признать, что „большевикам кампания дала положительный и блестящий результат, увенчавший их предвыборную кампанию и агитацию". Этот успех относится особенно к крупным предприятиям. В мелких и средних предприятиях рабочие в это время (в 1915 году) еще шли в значительной мере за меньшевиками и, отчасти, народниками.

Победа большевиков была следствием умелого и последовательно-революционного сочетания при проведении массовых кампаний подпольной работы, с одной стороны, и „легальных возможностей" с другой. „Парламентская деятельность" депутатов-большевиков, отказ

от выборов рабочих представителей в гучковские комитеты — яркие иллюстрации большевистской тактики в годы войны.

„Легальные возможности“.

Большевики отнюдь не отказывались вести борьбу за овладение массовыми легальными организациями, но в отличие от меньшевиков, они шли в профсоюзы не для мирной „органической“ работы, не для улажения конфликтов с предпринимателями. Большевики научились пользоваться рамками „легальных возможностей“ для того, чтобы поднимать на новую ступень боеспособность рабочего класса. Это относится не только к профсоюзам, но и ко всем другим легальным организациям: биржам труда, кооперативам, больничным кассам, продовольственным комиссиям на предприятиях и т. д. Особенно заметные успехи были достигнуты большевиками в области страхового движения, где наиболее упорно скрестились две точки зрения—большевиков и меньшевиков.

Борьба вокруг лозунгов страхового движения началась еще до войны, со времени издания закона 23 июня 1912 года о страховании рабочих от болезней и увечий. Царский закон охватывал незначительную часть рабочих (20%) и возлагал всю тяжесть страхования на плечи рабочих. „Немые“, „слепые“ и „скорострельные“ (так их окрестили рабочие) выборы в правления касс не внесли успокоения, а, наоборот, обострили недовольство рабочих законом 1912 года. Большевики повели борьбу за новые, свободные выборы под лозунгами: 100% застрахованных, устранение предпринимателей из органов страхования, страхование всех видов (в том числе и от

безработицы, инвалидности и т. д.). Другими словами, большевики были за максимальные страховые требования, меньшевики же, как обычно, высказывались за „укороченные лозунги“ — за реформирование закона 23 июня 1912 г. Рабочие поддержали в этом споре большевиков. В Страховой совет и в страховые присутствия Петербурга были избраны только большевики; представители больничных касс 58 заводов Петербурга объединились и выставили требования создания общегородской больничной кассы. Значительным влиянием пользовался большевистский орган „Вопросы страхования“ (первый номер вышел 26 октября 1913 года). Напротив, меньшевистский журнал „Страхование рабочих“ влачил жалкое существование. В годы войны гегемония (руководство) большевиков в рабочем страховом движении сохранилась полностью. Это показали выборы в питерский Страховой совет 31 января 1916 года. Список большевиков прошел целиком: из 70 голосов 39 были поданы за большевиков и только 26 — за меньшевиков и народников, несмотря на то, что накануне выборов ряд большевистских деятелей больничных касс был „изъят из обращения“ и несмотря на то, что „по независящим обстоятельствам“ в годы войны не выходила большевистская „Правда“.

Легальная большевистская печать в годы войны.

Все попытки ЦК и Петербургского комитета партии наладить издание другого легального органа не приводили ни к чему. Можно привести только некоторые частичные успехи в этом направлении: в Самаре в начале войны вышло несколько номеров „Зари Поволжья“, в Саратове вышло де-

сять номеров еженедельной рабочей газеты „Наша газета“ (в августе — ноябре 1915 года), в Москве удалось выпустить три номера „Голоса печатного труда“, в Кинешме вышел один номер журнала „Наше слово“. В годы войны вышли также два сборника: „Под старым знаменем“ (в Саратове) с участием М. С. Ольминского, В. Н. Милютина и др. и „Сборник“ № 1 со статьями Ленина, Свердлова, Ногина и др. (все авторы писали, конечно, под псевдонимами). Второй сборник, вышедший в Москве накануне февральской революции, был конфискован и только революция освободила его из-под ареста. Исключительное значение приобрел, естественно, журнал „Вопросы страхования“, который продолжал регулярно выходить до ноября 1916 года (всего вышло за время войны 24 номера). Он не замыкался в узких рамках специальных вопросов; об этом говорит уже то, что среди авторов, принимавших в нем участие и выступавших на его страницах, можно указать В. И. Ленина и Г. Зиновьева.

„Обычно номера выходили с белыми местами. Часто вместо целых статей были белые листы“,—пишет А. Винокуров. Тем не менее легальная печать была одним из наиболее прочных приводных ремней от партии к рабочей массе*).

*) Нелегальная большевистская печать, выходившая за границей и проникавшая в Россию, играла, конечно, другую роль: она при всей малочисленности изданий была незаменимым орудием в деле руководства, связи и информации. Подпольный центральный орган партии—„Социал-Демократ“—выходил сравнительно регулярно все годы войны (всего вышло 25 номеров). Помимо „Социал-Демократа“ выходили в 1915—1916 годах теоретические

Приводные ремни от партии в деревню. Работа в армии.

Приводных ремней к крестьянству у партии в эти годы было, конечно, гораздо меньше. Партия была связана с крестьянством главным образом через рабочих и отчасти через армию и флот, где время от времени возникали революционные ячейки (например, в Балтийском флоте). „Работу в войсках,— по воспоминаниям т. Шляпникова,— наши комитеты возлагали, главным образом, на членов партии, мобилизованных репрессивно (за стачки, протесты и т. п.), а также и взятых в войска в общем порядке". В отдельных местах удавалось создать тыловые воинские организации (в Смоленске, в Сибири). Правда, значительного партийного влияния в армии у большевиков не было, равно как не было его и у других партий, но солдаты, отчасти из-за агитации большевиков, заражались революционностью рабочих, проникались сознанием своих интересов и задач и по мере того, как затягивалась война и ухудшались условия жизни и труда в тылу, выражали готовность примкнуть к общему революционному движению в стране.

сборники „Коммунист" (№ 1-2) и „Социал-демократы" (№ 1-2). В России подпольные органы налаживались с большим трудом: в 1915—16 годах Петербургский комитет партии выпустил четыре номера „Пролетарского голоса", кроме того, в начале войны в Питере же выходил гектографированный журнал „Рабочий голос". Бюро ЦК выпустило в 1917 г. несколько номеров „Осведомительного листка". В 1916 году в Харькове вышел гектографированный „Голос социал-демократа", в Иркутске в 1915 году вышел „Товарищ пролетария" (один номер), в Донбассе 1915 г. выходила подпольная „Южная правда", орган областной организации РСДРП южного горнопромышленного района.

Сдвиг в сторону „пораженчества“ осенью 1915 года.

Революционные настроения назрели особенно заметно во вторую половину периода войны, когда царская власть быстро стала катиться под уклон. К осени 1915 года сдвиг среди рабочих в сторону „пораженчества“ уже не подлежит сомнению, хотя оборонцы были в эту пору еще сильны. В дальнейшем процесс „выветривания“ социал-шовинистических идей идет с небывалой силой. „В настроении рабочей массы и демократии вообще,— констатировал в конце 1916 г. А. Шляпников в своем письме к В. И. Ленину,— наблюдается полнейшее отсутствие патриотического дурмана“.

Октябрьская стачка 1916 года, огромный стачечный подъем 9 января 1917 года, контр-демонстрация 14 февраля 1917 г. (против правительства и против Думы)— все это были признаки надвигающейся бури.

IX. Война как „ускоритель революции“.

Военные сверхприбыли капиталистов.

Война принесла колоссальные прибыли капиталистам, работавшим на „оборону“. О размерах военных прибылей дают представление следующие данные, заимствованные нами из одного журнала. В области механической и машиностроительной прибыль шести обществ составляла на 1915 год, по данным „Торгово-промышленной газеты“, на 37% более, чем в 1914 году. В отдельных обществах это увеличение доходит до 50%. В некоторых обществах новая чистая прибыль составляет по отношению к основному

капиталу 20, 30 и даже 35%. У шести крупных петроградских коммерческих банков чистая прибыль за 1915 г. увеличилась на 33%, у шести крупнейших московских банков чистая прибыль повысилась на 23%. По данным „Русского слова“, прибыль девяти крупнейших предприятий металлургической промышленности увеличилась с 1913—1914 г.г. на 65,5%. В двенадцати предприятиях суконной, шерстяной, нитяной промышленности прибыль увеличилась на 61,9%; прибыль восьми предприятий сахарной промышленности увеличилась на 126,3%; в четырех крупнейших предприятиях резиновой индустрии прибыль увеличилась с 14,7 до 18 млн. руб., т. е. на 3,3 млн. руб. или на 22,4%. В отдельных предприятиях рост прибыли еще выше: на Брянском заводе — 45%, на заводе „Гартман“ — 73%, у Рябушинских — 230% и т. д. *). Золотой дождь настраивал буржуазию, особенно промышленную буржуазию, как мы уже знаем, на воинственный лад.

Совсем иные настроения мы наблюдаем среди широких слоев трудящихся, настроения, которые резко оформлялись по мере ухудшения жизненного стандарта (уровня), по мере падения реальной зарплаты и увеличения всех тягот и ужасов кошмарной бойни **).

*) „Современный мир“, № 1, 1917 г.

**) Об этих ужасах свидетельствует следующий кровавый счет войны: около 10 млн. убитых, 21 млн. раненых, около 2 млн. пропавших без вести, около 6 млн. пленных, около 27 млн. убыли населения во время войны вследствие понижения рождаемости и повышения смертности; около 670 миллиардов золотых рублей или одной трети всего национального богатства человечества. Под ружьем было 66 миллионов солдат.

Война вызвала небывалый рост дороговизны. Как об этом свидетельствует произведенная Союзом городов анкета, дороговизна уже к июню 1915 года соединялась с острой нуждой в продуктах первой необходимости. К октябрю 1916 г. цены на муку, хлеб, масло, картофель, керосин и дрова подскочили вверх в среднем на 250—300% по сравнению с ценами на эти же продукты в сентябре 1914 года.

„Медленное умерщвление".

В одном из большевистских воззваний, выпущенных в ноябре 1915 года, говорится о „медленном умерщвлении" рабочего класса, обреченного на невыносимо тяжелые правовые и экономические условия существования.

„Это медленное умерщвление не так заметно: тут нет пушечной пальбы, тут нет гибели на виду у всех; незаметно, далеко от глаз сытой толпы, по сырым подвалам и чердакам медленно угасают рабочие из-за недоедания, плохих квартир, холода и ужасных санитарных условий".

Падение реальной зарплаты.

ЦК партии призвал усилить борьбу с эксплоатацией труда рабочих. „Стачки с требованием повышения заработной платы не меньше как на 50—100% — это наш первый ответ на дороговизну. Нашим вторым ответом на дороговизну должна быть революция". Сильно ухудшилось положение рабочих в „мирных" отраслях промышленности. Особенно сильное падение реальной зарплаты наблюдалось в текстильной промышленности: шелковая промышленность дала к 1916 году падение на 28,6%, шерстяная — на 16,4%. „Характерным явля-

ется падение заработной платы в полиграфическом производстве, менее всего связанном с войной: здесь падение уже к 1916 году доходит до 77% зарплаты 1913 года, т.-е. сокращение достигает 23%" (Б. Граве, „К истории классовой борьбы в России").

Рабочий день, вследствие широкого применения сверхурочных работ, крайне удлинился. Сильно увеличилось применение женского и детского труда.

Стачечное движение.

Ухудшение условий быта и труда толкало рабочих на такие забастовки, в которых на первый план выдвигалось требование об изменении этих условий. Если в 1905 г. число забастовок, связанных с условиями быта и труда, составляло 1,5% к общему числу забастовок, а число участников их — 3,4% к общему числу, то в военные годы эти забастовки составляли 12,9% к общему числу, а число участников — 16,3%. Забастовки носили упорный характер, их характеризовала чрезвычайная сгущенность массового движения. Предприниматели и правительство отвечали на забастовки угрозой фронтом или действительной посылкой на фронт „зачинщиков" и „черными списками", куда заносились все уволенные. То, что угроза фронтом была не пустым звуком, видно из многих фактов: после февральской стачки 1916 года на Путиловском заводе несколько сот рабочих были отправлены в дисциплинарные батальоны, после одной из стачек в Николаеве правительство распорядилось об отправке на фронт 7.500 рабочих и т. д. Но так как при этом капиталисты теряли рабочую силу, что нередко отражалось на рентабельности их предприятий,

то они вскоре придумали другую меру борьбы с непокорными рабочими: они возвращали мобилизованных на заводы в качестве солдат и ставили их в полуказарменные условия быта и труда под ежечасной угрозой отправки на фронт.

Острый кризис народного хозяйства.

Как отразилась война на экономическом состоянии страны?

В течение первого года война вызвала сокращение производства и числа рабочих, и лишь со второй половины 1915 года положение начало несколько изменяться: оживились те предприятия, которые приспособились к военным потребностям и начали работать „на оборону". Но это „оживление" было кратковременным и притом мнимым „подъемом" народного хозяйства и через короткое время сменилось глубоким всеобщим кризисом. Недобор угля и других видов топлива, кризис транспортный, металла и текстиля подорвали экономическую базу старой власти. Это не могло не волновать самих капиталистов и представителей буржуазного землевладения. Яркую характеристику разрухи, вызванной войной, дает, например, Родзянко, председатель Думы и крупнейший помещик, в записке, адресованной царю.

В этой записке Родзянко обращает внимание царя на систематическое уменьшение провоза продовольственных продуктов, на неудачу продразверстки, на недостаток угля, дров, нефти и падение производства чугуна. Особенно подробно Родзянко останавливается на расстройстве транспорта, недопоставке паровозов и вагонов, слабой производительности труда, росте числа

забастовок, расстройстве финансов. Родзянко признает положение почти безотрадным и сознает опасность революции. Поэтому он умоляет царя принять меры, которые предотвратили бы, по возможности, „чашу сию“. „Переживаемая нами продовольственная разруха и бешеная спекуляция, всевозможные голоды — они созданы руками власти, невежественной и бездарной“,— констатирует Родзянко.

Накануне революции.

Эта невежественная и бездарная, по компетентному отзыву Родзянко, власть,— по крайней мере, в лице Протопопова, министра внутренних дел,— сама начинала убеждаться в том, что революционный взрыв быстро назревает.

Уже после февральской революции, при допросе в следственной комиссии Временного правительства, Протопопов, на вопрос члена комиссии о том, как департамент полиции оценивал общее состояние страны, ответил:

— Движение рисовалось мне таким образом, что вся Россия — взбаламученное море, и притом — где слои, которые были бы довольны? Таких нет. Где слои, на которые можно было бы опираться, которые внушали бы доверие? Таких нет. Вот какую картину представляла вся Россия.

И на вопрос председателя:

— Следовательно?

Протопопов отвечал:

— Очевидно, кувыркнемся, полетим.

Революционная ситуация была налицо уже в конце 1916 года, и достаточно было малейшего повода, чтобы

привести в движение широчайшие массы, готовые подняться на борьбу против вековечного врага — царизма и против империализма.

X. Курс на Октябрь.

Итоги. Борьба против царизма и империализма в одно и то же время чрезвычайно приближала, как указывал Ленин, „вторую задачу" (социалистическую революцию) к „первой" (буржуазно-демократической). Вместе с первой мировой империалистической войной началась эпоха мировых войн и пролетарских революций.

Ленин различал три этапа исторического развития капитализма: 1) эпоху восходящего развития капитализма — 1789—1871 годы, 2) эру перехода от прогрессивного промышленного капитализма к загнивающему капитализму, к господству финансового капитала империализма — 1871 — 1914 годы и 3) эпоху непосредственного распада капитализма и пролетарских революций, которая началась в 1914 году. „Диалектика истории именно такова, — указывал Ленин, — что война, необычайно ускорив превращение монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм, тем самым необычайно приблизила человечество к социализму. Империалистическая война есть канун социалистической революции. И это не только потому, что война своими ужасами порождает пролетарское восстание, — никакое восстание не создаст социализма, если он не созрел экономически, — а

потому, что государственно-монополистический капитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет".

Объявить решительную борьбу царизму и империализму одновременно значило взять курс на быстрое перерастание буржуазной революции в социалистическую, взять курс на Октябрь, как очередную задачу непосредственно после Февраля. Большевики становятся на этот путь, вооруженные ленинской теорией империализма и пролетарской революции. Под знаменем большевизма идет подготовка грядущей революции. Годы войны были периодом решительных испытаний для всех партий. Они окончательно отбросили в буржуазный лагерь меньшевиков и народников, окончательно вырыли пропасть между большевиками и социал-шовинистами всех оттенков и видов. Борьба с царизмом и империализмом включала, как составную часть, борьбу с социал-шовинизмом. При этом большевики заранее выковывали оружие для будущих боев с керенщиной, т.-е. теми же социал-шовинистами после захвата ими власти. О вхождении большевиков в „революционное" правительство совместно с меньшевиками и эсэрами после уроков империалистической войны не могло быть и речи. Напротив. Борьба против меньшевиков и эсэров выдвинулась в 1914 г., как особо неотложная задача, подобно тому, как борьба против кадетов была первоочередной задачей в период 1905 года.

И в том, и в другом случае речь шла о высвобождении масс из-под влияния тех партий, которые размагничивали их волю к победе над классовым врагом.

Большевики стали еще до войны, а именно в эпоху „Звезды“ и „Правды“, вполне рабочей партией, не только по своей программе и теории, но и по составу и структуре. Во время войны большевистская партия сохранила свои основные организационные позиции, сохранила кадры, выпестованные в предыдущий период „Правдой“. Только этим можно объяснить, что движение накануне Февральской революции шло под лозунгами большевиков.

Поэтому совершенно неверным является утверждение, что партия накануне и в момент свержения самодержавия была якобы в „нетях“. Эту легенду надо рассеять окончательно.

Но не только в России теория пролетарской революции, разработанная Лениным и получившая во время войны свое завершение, служила руководством к действию. Ленинизм становится в годы войны **знаменем всего мирового революционного пролетариата**. Именно в этот период большевики, как последовательно-революционные интернационалисты, оформляются в качестве основного ядра мировой партии пролетарской революции. В 1914—1916 годах большевизм выходит на мировую арену, становится организующей базой Коммунистического Интернационала и тем самым окончательно складывается как теория и решающий центр мировой пролетарской революции.

СОДЕРЖАНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

 Цена 25 коп.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ:

Харьков, ул. Свободн. Академии, 5. Тел. 24-57, 42-22
Москва, Кузнецкий мост, 5/21. Тел. 3-01-99 и 3-17-55
Киев, улица Воровского, 22. Телефон № 42-58
Одесса, ул. Лассаля, 16. Луганск, ул. Ленина, 44
Артемовск, Харьковская ул., 51. Телефон № 217
Зиновьевск, улица Ленина, 10. Днепропетровск,
Проспект, 37.

